

Дмитрий Голихов

Палеолибертарианство vs. этапизм

Сборник статей на темы либертарианства
и Австрийской экономической школы

Дмитрий Голихов
Палеолибертарианство vs.
этатизм. Сборник статей
на темы либертарианства
и Австрийской
экономической школы
Серия «Праксеология: эффективность
жизнедеятельности», книга 1

*<https://litres.ru/73473624>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Книга представляет собой сборник статей, опубликованных на различных экономических ресурсах автором. Рассчитана на широкие круги читателей с целью пополнения числа сторонников политической философии теории свободы Людвиг фон Мизеса, Мюррея Ротбарда, Фридриха фон Хайека, Хесуса Уэрты де Сото и Ханса-Херманна Хоппе. Мы живем в век государственного диктата и этатизма, он окутывает всю нашу жизнь от рождения до смерти. Пришло время вернуться к истокам этики, берущей свое начало в богословском понятии о естественном

праве: полномочиях свободно распоряжаться собственностью и заключать договоры. Палеолибертарианство ставит своей целью приход к системе добровольных контрактов (возникающей из прав частной собственности по факту первопринадлежности) через палеоинституты (координация добровольной деятельности на регулярной основе), что позволит победить царящий повсеместно этатизм и вызываемые им проблемы.

Содержание

Предисловие	6
I. Право	27
1. Прецедентное право как форма частного договора	27
2. Прецедентное право и английские колонии	32
3. Естественное и прецедентное право	38
4. Этика частной собственности (естественное право)	50
5. Капитализм и частная собственность	58
6. Право владения и право использования частной собственности	72
7. Естественное право как «мерило» этики	77
8. Интеллектуальная собственность	85
9. Искусственные монополии, палеоправила и естественное право	91
10. Юридические лица, персональная ответственность и бюрократия	97
11. Либертарианство, ценности и естественное право	109
12. Государство, искусственные привилегии и естественное право	115
13. Логичные следствия либертарианской этики	136

14. Титулы собственности, право частной собственности	148
15. Частная собственность – первая	152
16. Легитимные полномочия и права частной собственности	158
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Дмитрий Голихов

Палеолибертарианство vs. этатизм. Сборник статей на темы либертарианства и Австрийской экономической школы

Предисловие

Книга представляет собой сборник статей, опубликованных на различных экономических ресурсах автором. Рассчитана на широкие круги читателей с целью пополнения числа сторонников политической философии теории свободы Мизеса и его последующих учеников. Для книжного формата текст переработан и дополнен новыми главами для цельности повествования.

Мы с вами живем в мире, в котором институт, изначально созданный для защитных услуг граждан под названием государство, мутировал и разросся начиная с XX-го века до масштабов глобальной катастрофы. Вместо того, чтобы слу-

жить интересам людей, которых он, вроде как, должен защищать и обслуживать – он занимается учетом и регламентацией нашего «каждого шага», обкладывает налогами по своему усмотрению, вводит запреты и разрешения на что-либо исключительно по собственной прихоти конкретного момента, исходя из выгоды представляющих его чиновников.

Государство пришло к нам всерьез и надолго. Мы больше не можем по своему усмотрению делать то, что считаем нужным, не поставив его в известность, и не спросив на то его разрешения. При условии развития технологий мы так оглянуться не успеем, как начнем получать штрафы от государства, как в одном фантастическом фильме – «за неподозво- лительный умственный процесс».

Экономисты «Австрийской школы», такие как Людвиг фон Мизес, Фридрих фон Хайек, Мюррей Ротбард, Хесус Хуерта де Сото и Ханс-Херманн Хоппе подробно описали все существующие манипуляции государства, при помощи которых оно словно бы играет с простыми людьми «крапленными картами». У него в рукаве припасено много трюков. Так изъятие золота из денег, порождающего возможность инфляции, создает циклы бума и краха в экономике. Сейчас это осуществляется через механизм под названием «частичное резервирование», оно производится через удвоение денег посредством «счетов до востребования». Суть явления в том, что одновременно клиент банка может воспользоваться своим счетом, и в то же время эти же средства выдаются

ся в качестве кредита кому-либо. Чем больше наличности переведено в эти счета – тем больше возможности увеличить предложение денег. Как только граждане захотят обналичить деньги несколько более «запланированного», как тут же понятно, что банк подвергнется опасности стать банкротом из-за нехватки валюты. Увеличение предложения денег на стадии «бума» формирует ложные для бизнеса оценки о том, что денег в наличии много, и есть смысл вкладываться в глобальные проекты, не приносящие сиюминутные прибыли. Но, после того как часть кредитов возвращается – происходит дефляция из-за резкого уменьшения предложения денег («пузырь» депозитов до востребования схлопывается) и стадия краха. Становится понятно, что вложения в долгосрочные проекты несут слишком большие издержки, ошибочное инвестирование приводит к череде банкротств.

Этика, которую пытается демонстрировать государство по отношению к своим гражданам – это этика насилия. Оно имеет полное право обложить нас любым налогом, ввести сотню-другую законов, ограничивающих естественные права граждан, берущие корни в богословских представлениях: право свободно распоряжаться своим телом и имуществом, добровольно заключать договора по собственному усмотрению. Когда-то отношения государства с людьми формировал подписанный договор, а представитель налогоплательщиков следил за неукоснительностью его исполнения. Сейчас же все перевернуто «с ног на голову»: парламенты пи-

шут законы, регламентирующие жизнь простых граждан, тогда как еще со времен начала существования римского права известно, что закон нельзя написать, его можно только «открыть» в процессе практической деятельности судов. Ему вторит и английское общее право, превозносящее прецедент как норматив установления общего правила, которое в дальнейшем не может быть пересмотрено простым «росчерком пера» чиновника или парламентария. Нельзя просто ввести новый налог: это должно быть предметом договора, в противном случае это нарушает естественные права граждан.

Описанные в книге примеры того, что происходит в нашем «безумном, безумном, безумном, безумном мире» дают понимание того, что только естественные права в полной мере отвечают этике человеческих отношений. Нельзя отнять у одних людей что-то, чтобы дать это другим: тем самым мы только создаем «порочный круг» паразитической зависимости. Согласно американской и российской истории известно, что лучшая поддержка неимущим исходила всегда от частной инициативы, по этой же причине в разгар «Великой депрессии» – «Красный крест» долгое время отказывался от помощи государства, заявив, что ему денег вполне хватает, так как совершенно справедливо боялся разрушить механизм «частной благотворительности».

Обычно люди думают, что либертарианство – это какие-то страннные люди бьются за малопонятные права, типа свободы слова, но все гораздо проще. Это идея о том, как людям

достигать интересующих целей, и не пускать в свою жизнь «паразитов», которые мешают осуществлять какую-либо деятельность, не несущую угрозы правам собственности других людей. Под «паразитами» можно иметь ввиду государство, бандитов и тому подобных персон, и образований, занимающихся принуждением к каким-либо действиям. Многие не понимают его сути на самом примитивном, бытовом уровне. Это понятие – полностью противоположно понятию коммунизма, когда максимум собственности стараются коллективизировать, национализировать, обобществить без всякого согласия ее законных владельцев. Либертарианство же, наоборот, выступает за максимизацию частной собственности (приватизацию) по принципу первопринадлежности и частных договоров людей, как единственно возможных субъектов права. Вот, собственно, и все, что тут нужно понимать. Как справедливо заметил Людвиг фон Мизес, коллективизм не принимает во внимание волю и моральное самоопределение личности, в этом его проблема. С точки зрения этой философии индивид рождается в коллективе, и для него будет якобы «естественным» и правильным вести себя так, как ожидают члены этого коллектива. Но ожидается в действительности кем? Конечно же, в ту же минуту выясняется, что теми самыми персонами, которым уже была поручена задача определять коллективную волю и руководство действиями коллектива скрытыми предписаниями некоего таинственного бюро. То есть, коллективизм в любом случае

служит просто интересам правящих групп, которые держат контроль над простыми людьми в своих руках. Он не оставляет людям особых возможностей достигать интересующие их цели, вместо этого вынуждает служить интересам правящих групп, вот и все. Сильно сомнительно, что невозможность достижения своих жизненных целей может сделать людей счастливыми, потому что коллективизм – это тупик. Этим путем может идти только тот, кто хочет поработать других и готов сам поработаться. Нормальный, психически здоровый и морально нравственный человек едва ли увидит свое будущее в чем-то подобном, потому что у него нет другого выхода из такой ситуации, как разрыв с коллективизмом и путь либертарианца. К тому же, даже если коллективизм и дает какие-то дивиденды поддерживающим его людям, то все равно, как справедливо замечает Мизес, если история и учит нас чему-то, то только тому, что именно частная собственность связана с цивилизацией. То есть, коллективные цели, как развитие людской цивилизации, достигаются тоже через частные инициативы и индивидуальные действия людей, оперирующие своими ресурсами, частной собственностью, а не через тот же коллективизм. Так население США в целом преуспевает больше относительно жителей других стран именно потому, что правительство здесь позже, чем в других странах, начало проводить политику притеснения бизнеса.

Палеолибертарианство ставит своей целью приход к системе добровольных контрактов (либертарианство) посред-

ством естественных институтов, которые являются главным подспорьем на пути к этому (такие, как, например, семья, торговые рынки, биржи). Не нужно путать это с традиционализмом, когда люди придерживаются каких-то норм, даже если они очевидно вредят системе добровольных контрактов (вспомним спартанскую традицию выкидывать слабых детей в пропасть), но и со всеми этими левыми разновидностями либертарианства (которые видят естественные институты препятствием на пути к достижению системы добровольных контрактов), либертинством – тоже связывать не стоит.

Австрийская школа экономики – это очень полезная для любого человека «штука». Она учит достигать нужные цели, тратить свое время продуктивно на те, которые вы сами считаете для себя значимыми. И когда человек постепенно в процессе жизнедеятельности учится больше времени посвящать на значимые, конструктивные для себя самого задачи, то с удивлением обнаруживает то, насколько это враждебно может восприниматься. Обычный человек, который проживает именно свою, а не чужую жизнь, достигает значимые цели – это сильный раздражитель для всех этих людей с коллективистским образом мышления, которым почему-то обязательно нужно всех впрячь в какую-либо узду, сделать людей рабами каких-либо ненужных им самим задач «всеобщего блага». Именно обычный человек в любой точке земного шара – с точки зрения его интереса изложе-

на вся экономика данной школы, чтобы конкретно ему было хорошо, чтобы он умел обрастать имуществом, ресурсами, вести активно хозяйство, жизнедеятельность, смело участвовать в процессе обмена с другими, использовать существующие реалии себе, и своим друзьям, родственникам, деловым партнерам на благо. Понятно, что коллективисты никогда не простят «австрийцам» этот «грех», что, оказывается, человек может жить во имя счастья своего, своих близких и друзей, родственников, и быть абсолютно нейтральным к интересам родины, партии, государства, «всеобщего блага», и тому подобных неодушевленных существей. Живой человек как одушевленное существо не должен приноситься в жертву каким-либо идолам, вот и все, что стоит понимать в данном случае.

В книге будут рассмотрены нынешние политические реалии, конкретные жизненные примеры на темы либертарианства и этатизма, однако, я постарался все же максимально опустить «политическую подоплеку», чтобы не вызвать отторжения к книге у людей, имеющих какие-то «политические пристрастия», и привлечь в стан сторонников истинной свободы максимальное число новых сторонников. Хотя, лично мне кажется очевидным, что, скажем, в 90% случаев за словом «патриотизм» прячутся плохо скрываемые «рога» государства и его идеологии, способ оправдать любое решение стоящего за ним чиновника. Ведь родина и государство, как было замечено выше – неодушевленные существности (ска-

жем, первой – нет и никогда не было в природе, а только в воображении людей). Привычка наделять их какими-либо качествами одушевленных существ в экономике опасна, так как уводит тему обсуждения из конкретики в поэзию, где логика бессильна что-либо сказать по обсуждаемому вопросу, но зато очень легко затуманить мозг очередной социалистической пропагандой, лишаяющей людей здравомыслия на волне появляющихся от этого эмоций. Когда же чувства отступают, то внезапно открывается истина, что в социалистических странах люди в среднем живут меньше, чем в капиталистических. Хотя бы потому, что социализм ориентирует действия людей на короткосрок. Это примерно тот самый чудак из песни «Машины времени», который был не прав, и зачем-то спалил весь запас дров за час, в результате чего позже большой огонь угас. То есть, социализм штампует таких вот чудаков, которые не умеют элементарно распоряжаться ресурсами. Они сильно подвержены вредным привычкам, раскидывают деньги направо-налево, часто – даже не те, что заработали сами в результате своей какой-то деятельности в рамках естественных прав, регулярно совершают зачем-то подобные нерациональные поступки, охотно нарушают чужие права частной собственности под всяческими якобы благовидными предлогами. Вместо поиска добровольной координации поддерживают различные агрессивные действия против людей из разряда «поисков врагов народа». В конечном итоге они теряют способность поддержи-

вать даже свое тело в должном функциональном состоянии или же становятся жертвой своих же нерациональных действий, и рано «кончают свой путь земной». Ну и понятно, что подобные нерациональные «короткосрочные» поступки миллионов аккумулируются и создают плохую среду существования для всех людей вообще данной территории, что ухудшает качество их жизни, и рождает массовое стремление к эмиграции в поиске более лучших условий существования.

Либертарианцы – это такие люди, которые рождаются свободными и в течение жизни пытаются реализовать все имеющиеся у них естественные права (права частной собственности) в максимально доступном объеме для достижения интересующих их целей. Реализация каких-то из них может сталкиваться с какими-то трудностями в процессе их деятельности, но они не делают различий в том, что им не удалось их реализовать по причинам этатистским или естественным, они воспринимаются одинаково – просто досадными препятствиями на пути. Плохая почва может помешать либертарианцу поставить дом на своей земле, точно так же чиновник может попытаться запретить ему его там возводить. Он просто делает нужные поправки в своих расчетах и решает все проблемы максимально устраивающим его образом, демонстрируя всем торжество, и главенство во всем принципа частной собственности, даже там, где это, на первый взгляд, кажется совершенно невозможно. Либертарианские сообще-

ства в подавляющем числе случаев горячо приветствуют подобные успехи в преодолении трудностей на пути реализации своих естественных прав кем-либо, независимо от того, удалось ему победить этатизм, или какой-то неудачный оборот событий в управлении своей частной собственностью. В жизни бывают ситуации, когда люди, работая на том или ином предприятии, в фирме – вынуждены идти на некоторое ущемление своих прав. За это ущемление они получают денежную компенсацию, то есть, они часть своих естественных прав некоторым образом продают, как бы – некоторые титулы собственности. Например, кому-то приходится слушать дурацкие крики начальника, перерабатывать сверх контракта и тому подобное, но это все – предмет соглашения в том смысле, что из договора можно в любой момент выйти, и уволиться, вернув себе 100% естественных прав, и титулов. Потому нельзя сказать, что начальник был идиотом, скорее им был человек, если соглашался терпеть его выходки в той ситуации, когда его это не устраивало, вместо того, чтобы немедленно уйти, послав начальника «на три буквы». Если оставался несмотря на это, то это значит только то, что получаемую зарплату он ценил выше, чем, например, издержки от выслушивания матов начальства. Так вот, в случае с государством же ситуация обстоит таким образом, что оно не платит вам зарплату, а потому ему никто ничего не должен. Вы не продавали ему часть своих естественных прав, титулов и потому они остаются при вас. На лю-

бой приказ чиновника или постановление, закон по ограничению естественных прав от кого-либо, включая президента страны – в норме следовало бы отвечать просто: «Я на вас не работаю, не получаю от вас зарплату, договора с вами не подписывал, не соглашался на ограничение части своих естественных прав и титулов собственности, следовательно, я вам ничем не обязан, идите в баню». Почему чиновникам в принципе выгодно пугать и кошмарить население? Потому, что напуганный человек начинает в своей жизнедеятельности ориентироваться больше на короткосрок (выжить бы сегодня, не суть важно, что будет завтра). В результате снижается его жизнеспособность в долгосрочной перспективе, рациональность действий, а также он становится менее самостоятельным, больше зависимым от государственных подачек. То есть, обычный, ведущий самостоятельную деятельность гражданин превращается в холопа, ждущего новых указивок и методичек от «барина-государства» в надежде, что у того «на кухне можно будет немного отщипнуть квашеной капустки». При этом «барин-государство» получает себе целое стадо послушных «баранов-холопов», так как понимает, что тем деваться особо некуда, нет ни средств, ни способов, ни надежд выживать как-либо еще.

Либертарианство – это просто вопрос частной собственности людей и полномочий, которыми они наделяют кого-либо действовать в своих интересах. Это такой, сугубо юридический вопрос: действовал ли кто-либо в интересах

частного собственника или же превысил имеющиеся у него полномочия. Вот просто как в футболе включаем VAR и смотрим: есть ли у некоего юридического образования под названием государство Руритания договор с Иваном Ивановым, на основе которого оно каждый год взимает с него налоги, или нет? Если нет, то никакого права на налоги не существует в природе (а если да, то должно быть право этот самый договор разорвать в любой момент времени). То же самое относится и к остальным институтам, таким как полиция, ТСЖ, суды и тому подобное. По идее частный собственник должен иметь возможность заключать и разрывать договоры со всеми этими институтами напрямую, оплачивать их услуги из своего кармана, или же выбирать другие, более устраивающие его. Так на смену государствам придут добровольные юрисдикции, которые будут постоянно меняться территориально в зависимости от обслуживаемой клиентуры и их собственности. Это значительно более моральный способ существования людей, так как при таком подходе они перестают быть винтиками, рабами всяких неодушевленных существ типа государств. Они прекращают им быть чем-то обязанными. Наоборот, это институты и юрисдикции должны доказывать, что людям будет выгодно заключать контракты именно с ними, а не с другими, так как у них более качественное правосудие, лучшие услуги по защите частной собственности, прекрасные законы и тому подобное. Когда вы даете в долг деньги или вещь, затем тре-

будете вернуть, расплатиться, то вас часто «динамят», не берут трубку, сбрасывают звонки, не возвращают, не платят вовремя или совсем, дают лживые обещания, тратят ваше время на напрасные ожидания, не отвечают за сказанные слова, не исполняют обязательств, и даже иногда проявляют агрессию. В конце концов, вы будете рады вернуть с этого хоть какую-то часть отданного, совершите множество лишних энергозатратных действий, а взаимоотношения, очень вероятно, будут испорчены напрасными ожиданиями. Когда вы платите за вещь, услугу, то у вас спрашивают примерно следующее: в каком часу подать Ламборгини, любезный граф? И старательно пытаются уловить все ваши намерения для дальнейшего сотрудничества, увеличения спроса, налаживания еще лучших взаимоотношений. Это и есть примерно разница между услугой, полученной от государства за налоги и частной услугой, предоставляемой за деньги. Так есть ли смысл «давать в долг», тем более, делать это во все большем объеме? Конечно же нет!

Некий негативно настроенный читатель нашего интернет-журнала однажды высказал мысль, что мы, дескать, за чем-то лезем в политику. Что хотелось бы на это ответить? Прежде всего то, что лезем мы не в политику, а в экономику. Наша цель – сокращение издержек при достижении интересующих целей людьми, когда они не нарушают чужие права собственности. То есть, чтобы как можно больше честных (в понимании принципа самопринадлежности, естественных

прав) людей были богатыми и здоровыми, преуспевающими, а не бедными и больными, включая и нас самих. Вот и вся наша «политика». Просто на пути к этому людям приходится сталкиваться с множеством статистических препятствий, которые нам устанавливает государство на квазиинституциональной основе в виде налогов и регуляций, а также какие-то индивидуальные преступники, осуществляющие все то же самое иногда на непостоянной основе. Понятно, что все это должно быть отслежено и проанализировано, а затем важно дать всему этому грамотную оценку, исходя из логики очевидных экономических законов человеческой жизнедеятельности. Мы не претендуем на какой-то политический вес, просто помогаем понять экономическую природу человеческой деятельности всем, кому это интересно настолько же сильно, насколько это интересно нам самим. На пути к этому кто-то из статистически настроенных людей может расстроиться от того, что мы разрушили их веру в святое государство, но таковы реалии жизни, если грамотно применять логику к окружающей действительности, а не наше личное отношение к нему. Мы – не политики, а предприниматели в том смысле, что смело и активно добиваемся интересующие честные цели, согласующиеся с естественными правами людей, и того же предлагаем добиваться всем остальным.

В чем заключается ошибка левых либертарианцев? Они думают, что при либертарианстве все – будут уважать права всех, но в действительности природа людей не изменит-

ся. Они так же будут коммунистами, фашистами, шовинистами, панками, гопниками, фундаменталистами и так далее. Изменится только система права, но не ценности людей. Каждый просто получит возможность с кем-то иметь отношения, а с кем-то – не иметь. Никакого полностью политкорректного мира не появится, наоборот, скорее люди разбредутся по непересекающимся юрисдикциям, которые будут находиться в очень разных отношениях друг с другом. Расист не станет пускать к себе человека с другим цветом кожи, коммунист не станет якшаться с капиталистом, араб не сядет в одном заведении с иудеем. Антагонизм, скорее, будет только углубляться, ведь нет причин идти на контакт с тем, кто кому-то неприятен. Разве что бизнес будет вынуждать сближаться всех этих людей, ведь если некто не хочет ни с кем иметь дел, то и его услуги будут давать меньшую прибыль. Но если прибыль вполне устраивает или человек ведет самодостаточное хозяйство, то и незачем менять что-то. Очень часто это будут общества людей, которые имеют много предубеждений, как в прошлые времена, когда католик мог считать «сатаной» – протестанта. Все просто вернется на несколько столетий назад, но у людей будет более надежная система права, когда нарушение частной собственности и добровольного договора – значительно более серьезное преступление, а цена агрессии многократно возрастет. Снова могут появиться дуэли, частные войны, когда один клан предлагает вступить в войну с другим и по результа-

там битвы присоединить себе собственности побежденных. Это предложение может быть принято или отклонено. Вместо геноцидных войн наций – опять могут войти в моду частные битвы, в которых то ли из глупости, то ли из удали люди будут добровольно убивать друг друга, но по заранее оговоренным правилам, от которых всегда можно отказаться. Никакая полиция будет не в силах запретить подобного рода игрища, если это будет делаться добровольно, и нет оснований думать, что люди как-либо поумнеют настолько, чтобы в них совсем никто не участвовал. Наоборот, подобная война может еще и транслироваться, рекламироваться, на этом могут зарабатывать большие деньги, как сейчас на большом футболе. Конечно же, как и любое безумие, это останется просто частным уделом совсем небольшой группы сторонников, никакой массовости подобные процессы при либертарианстве иметь не будут, наоборот, это отсечет от большинства нормальных людей подобных маргинальных элементов. В результате в подавляющем числе частных юрисдикций будет действовать понятная всем система права, в которой цена насилия будет многократно более высокой, и нарушителям прав частной собственности будут отвечать за каждый подобный акт – либертарианским, и библейским принципом «два ока за око». Как заметил Мюррей Ротбард, ни одна социальная система не будет работать, если большинство людей не будут «хорошими» в том смысле, что не будут нападать на соседей или грабить их. Если бы все поступали та-

ким образом, никакая защита, – государственная или частная, не смогла бы предотвратить хаос, и чем больше людей настроены на мирный образ жизни, чем меньше совершают агрессию против своих соседей, тем успешнее будет работать любая социальная система и тем меньше ресурсов придется выделять на полицейскую защиту. Анархисты считают, что, учитывая «природу человека», степень его доброты или злобы в любой момент времени, анархизм максимизирует возможности для добра и минимизирует каналы для зла, так как устраняется живой пример и социальная легитимность массовых узаконенных преступлений государства. То есть, анархизм в значительной степени будет способствовать распространению мирных ценностей в сознании общества.

Для чего полезна праксеология (учение Мизеса о человеческой деятельности и ее эффективности) с практической точки зрения? Она очищает мышление от множества разных иллюзий. Чем больше вы себя от них избавите, тем дальше сможете зайти в чем-либо, это очевидно. Даже рыбу лучше ловить там, где вы ее видите, а не где она вам мерещится. Наша книга как раз и занимается такой просветительской деятельностью, а не написана с целью «вынести кому-то мозг» политикой, экономикой и тому подобным. Простой пример. Спросите у какого-то наемного работника, зачем он ходит на работу? Правильный ответ на этот вопрос звучит следующим образом: «Мне за это платят». Если он вам отвечает, что ходит он на нее потому, что это – его призвание, то

спросите его, готов ли он делать все то же самое бесплатно? Нет, не будет он делать все то же самое бесплатно, что бы ни заливал. Это – не вопрос выбора, а контрольный вопрос на ложь, по которому тем же социологам надлежало бы идентифицировать заполненную анкету как ложную. Аналогично если вы в анкете встретите вопрос: «Вы когда-нибудь вралли?», – то ответ «нет» на него автоматически означает, что респондент отвечает неправду, это известный психологам, и социологам факт. Здесь – та же история. Это не потому, что люди – плохие, это – просто самоочевидный факт, закон, изложенный Мизесом, который звучит таким образом, что работа обладает отрицательной полезностью. Именно потому за ее выполнение и платят деньги, что бесплатно на это никто не согласится. Человек выберет досуг, а не там стройку да-чи неизвестному человеку. На базе самоочевидности закона уже можно что-то планировать, рассчитывать, и у вас будет меньше иллюзий в процессе жизнедеятельности.

Почему чиновников всегда можно и нужно критиковать? Потому, что это – люди, которые живут на наши налоги. То есть, абсолютно каждый, с кого взимаются какие-то платежи в государственных целях – имеет право выразить недовольство тем, как именно они распоряжаются этими деньгами. Как и тем, что они вообще в принципе берутся под всякими благовидными предлогами. Если чиновника что-то не устраивает, то он имеет полное право уволиться, и тем самым избавить себя от критики, как и любой недовольный

волюнтаризмом работодателя – имеет право разорвать с ним трудовой договор. Но чиновник потому и не уходит со своего поста, что он знает, что «свято место – пусто не бывает». На его пост всегда найдется много желающих «перекладывать бумажки» и получать за это весьма немалые деньги. Именно поэтому он старается запретить всеми законодательными возможностями себя критиковать, чтобы исполнение своих прямых обязанностей можно было свести к чему-то формальному, а получаемую зарплату он пытается сделать своим неотчуждаемым правом.

Итак, мы начинаем наше путешествие в мир противостояния палеолибертарианства – этатистским вызовам окружающего мира, когда добровольные отношения людей, их координация по любым интересующим их поводам, и управление своей частной собственностью, которая досталась им по первопринадлежности и частным договорам – оспариваются государственными агентами властей, их запретами, постановлениями и регуляциями, которые ограничивают естественную творческую предпринимательскую суть повседневной деятельности людей. Однако, нет такой силы, которая могла бы надолго остановить творческий потенциал предпринимателей, их идеи и создаваемые, поддерживаемые упорядоченные способы координации – палеоинституты, которые служат верой и правдой людям уже тысячи лет, помогая достигать интересующие их созидательные цели.

Представляем Вашему вниманию новое издание книги,

отныне в ней появятся несколько новых глав и даже иллюстрации. Хотелось бы предупредить читателей, что произведение обладает свойством активизировать жизнедеятельность людей, усиливать их экономический энтузиазм. Так, ее автор, после правки опубликованного ранее текста, начитавшись всего написанного, на волне внезапно накотившей волны позитива, ухитрился повернуть множество интереснейших проектов, на которые никогда бы и не подумал замахнуться. В общем, мы вас предупредили, что после прочтения читатели могут почувствовать себя предпринимателями в полном смысле слова и начать творить, достигать цели, которые раньше казались недоступными, невозможными. Как сказал Мизес, для достижения успеха в коммерции человеку не нужна степень, полученная в бизнес-школе. Эти школы просто готовят подчинённых для рутинной работы, но они не готовят предпринимателей, их нельзя подготовить. Человек становится предпринимателем, когда сам использует возможности мира и заполняет пробелы.

I. Право

1. Прецедентное право как форма частного договора

Суть либертарианства заключается в том, чтобы частный договор между людьми решал как можно больше, а не что-либо еще: распоряжение чиновника, закон парламента и тому подобное. Прецедентное право – это тоже определенно-го рода договор, так как с данным решением суда изначально, до начала тяжб принято соглашаться двум сторонам. Они заранее договорились, что конкретный человек решает вопросы законности на их земле и принимают законы, которые сформировались эволюционным путем в результате каких-то частных договоров, и решениям по спорам, вызванным разночтениями сторон. Судья здесь просто выступает со стороны спеца по чтению договоров, понимающего их нюансы. Тут есть смысл акцентировать внимание, что главное, чтобы это было до вынесения вердиктов, а то иначе все будут говорить, что не признают их силы, так как он вынес неугодное им решение.

То есть, нам важно, чтобы система отношений выстраивалась от частных договоров, все шло от них или общих пра-

вил игры (которые сформировались через прецедент), если есть противоречия сторон. Желательно, чтобы «голосовалка» мало, что решала, если она есть в принципе, так как это механизм – далеко не лучший, в отличие от договора – он слабо коррелирует с таким понятием, как индивидуальная ответственность. Можно ее убрать вообще, а-ля у нас тут типа анархо-капитализм. Можно ее оставить, чтобы не было заявлений про якобы «ущемление прав» кого-либо, а можно вообще монархию сделать. Тут важнее то, что если есть парламенты, то они должны отслеживать действия чиновников, писать им законы в интересах налогоплательщиков, следить, чтобы президент или король не превышал полномочий, вопросы внешней политики решать могут, но они не должны писать законы самим налогоплательщикам, по которым им следует жить. Налогоплательщик – это их клиент, который им платит за контроль власти, а сейчас все наоборот выходит – платит за то, чтобы предписывали, как мне же должно жить. Есть личный договор, который, вероятно, раз в сто лучше будет отражать то, что мне нужно. Знаете, какого права очень сильно не хватает в текущих реалиях? Права дурака. Это когда человек находится в глухой деревне, и понятия не имеет, что, дескать, внезапно поменялся какой-то закончик стараниями того же парламента. Он живет по старым правилам, и не обязан узнавать, что кто-то что-то изменил, какие-то общие правила игры по своей прихоти. Может, у него и нет телевидения, интернета, газет. Живет себе, нико-

го не трогает и «шлет всех лесом». Например, он не обязан узнавать, что отныне обязан косить траву у себя во дворе. Вот у каждого человека должно быть такое право. Допустим, приходит к нему чиновник и хочет оштрафовать за это, а тот протягивает ему справку, а в ней написано, что «предъявитель сего не читает газет, не смотрит телевизор, не бывает в интернете, и потому не может отвечать за свои действия, которые как-либо противоречат любым новопринятым законам». Сейчас же возникают ситуации, когда собственника могут оштрафовать за банальную парковку возле собственного дома, так в Подмосковье сельских жителей стали наказывать за это, с них берут от 1 до 5 тысяч рублей, ссылаясь на то, что в деревнях заезжать на траву запрещено. И размер взыскания зависит от того, насколько сильно «раскаялся» владелец машины. Административная комиссия города Серпухова внезапно стала разъезжать по деревням и штрафовать людей за то, что те не загнали машину на территорию домовладения, а оставили ее за забором (между улицей и воротами). В небольших деревнях это – частая практика, так как внутри не всегда достаточно места или потому, что к кому-то приехали гости. Как всегда, чиновники придумали какие-то новые закончики, которые, понятное дело, что созданы не в интересах граждан (даже если замышлялись таковыми), и начинают их внедрять для всех. Они не отражают специфики индивидуальной ситуации – для этого и необходимо иметь прецедентное право, в каждой местности – индивиду-

альное. В данном случае – в деревне нет асфальта, стоянок, и потому все вынуждены оставлять машины на травке возле дома. Это вполне нормально и удобно, да и в целом не вполне понятно, зачем в такой ситуации повсеместно превращать все в «каменные джунгли», уничтожая траву, если можно так по-простому оставить машину на травке. Она от этого пострадает гораздо меньше, чем если проложить там асфальт. Но закон – есть закон, и на пустом месте вся деревня получает штрафы в несколько тысяч рублей, а парковаться-то больше и негде. Вся эта чушь начинается именно тогда, когда законы пишет чиновник, а не когда они возникают в результате какого-то местного судебного прецедента.

В либертарианской повестке дня важнейшим пунктом должна быть максимальная власть частных договоров и прецедентного права как его разновидности, а не того, как именно должно выстроить социально-политическую систему. Есть парламент или нет его – это не так важно, как то, чтобы он не лез в частный договор людей и вердикт арбитра, которого они себе выбрали. Монархия, президентство или отсутствие исполнительной власти – тоже вопрос из той же оперы. Монархия лучше удовлетворяет правам собственности чаще всего, чем президентство, для ограничения власти короля возникли парламенты. В конечном итоге больше проблем стали представлять сами парламенты. Нужны все эти органы власти или нет – вопрос уже второго порядка. Лично я уверен, что его можно было бы поставить на рассмот-

рение какого-то частного иска, затрагивающего чьи-то частные интересы, и вердикт создал бы новый прецедент по этому вопросу, так это было бы проще всего решить. Тут важно, что «договорились – не договорились», а не то, к чему именно пришли. Сам механизм прихода к решениям через добровольные договора важнее даже, чем если когда-то будет принято таки правильное решение президентом или, например, парламентом по вопросам, которые они не уполномочены решать, потому как создают прецедент вмешательства в сферу частных договоров двух людей тем самым. То есть, понятно, что хорошо, если они легализуют «короткоствол» например, но через тот же механизм можно и с легкостью обратно все «отыграть», да еще и запретить, скажем, заодно и травматическое оружие, пневматику и тому подобное, что в ситуации доминирования прецедентного права и частных договоров было бы просто немыслимо.

2. Прецедентное право и английские колонии

Почему так получилось, что двигателем капитализма и экономического развития по всему миру стали именно английские колонии (помимо самой Великобритании): США, Канада, Австралия, Новая Зеландия?

Ответ на этот вопрос заключается в системе прецедентного права, имеющего статус важнейшего палеоинститута. Каким бы ни было плохим законодательство, но оно должно давать обычным людям время приспособиться к существующим реалиям (если речь не идет о вопросах, очевидно ущемляющих права частной собственности вроде систем социализма, коммунизма). Когда этот принцип исполняется, то устанавливается палеопорядок, когда законы работают. Есть прецедент, есть общее правило для всех, которое достаточно сложно «повернуть» как-то иначе, ведь тем самым будет создан новый прецедент, и это мгновенно получит огласку по всей стране. Таким образом, даже сильно привилегированным слоям населения достаточно сложно может быть «продавить» нужное решение, так как это несет угрозу создания нового прецедента.

Вообще, законодательства монархических государств развивались больше эволюционно, чем в результате передела законов и собственности, поэтому очень часто именно в этих

странах высокий уровень жизни, как в каком-нибудь княжестве Монако.

Когда системы прецедентного права нет, то закон можно «повернуть», как угодно. Допустим, что юристы фирмы какой-то проработали законодательство, приняли наиболее устраивающее их решение, а уже на будущий год государство пытается этот же закон изменить, чтобы не дать возможности предпринимателям действовать сообразно максимальной эффективности, «содрать» с него побольше налогов. В текущей ситуации ряд предпринимателей нашли выход из положения через открытие церковной лавки, что позволяет не платить налоги государству. Одна женщина открыла ее непосредственно при храме, поэтому не регистрировала бизнес как ИП или ООО. Она платила только церковную «десятину» (десятая часть от платежей покупателей по карте) и за аренду помещения – 15 000 рублей в месяц. Она пользуется при этом расчетным счетом храма: если покупатель оплачивает товары картой, то деньги приходят на этот счет, и тогда десятую часть тот забирает себе. По наличным платежам же – ничего дополнительно ей платить не приходится. Правда, при этом есть договор, что при увеличении продаж – увеличивается и стоимость аренды помещения. Как писал Мюррей Ротбард, если один раб сбежал с плантации, а остальные – нет, то должны ли мы осуждать его за это? Нет, мы должны требовать, чтобы остальные были освобождены. Та же история с церковным бизнесом, если это

позволяет кому-то из предпринимателей избегать принудительного отъема прибыли (налоги и прочее), то это должно быть максимально использовано всеми, кто сможет в этом поучаствовать. Кстати, идея естественного права изначально имела именно богословское происхождение. В данном случае оно же поддерживает всех предпринимателей, кто таким образом избегает государственных поборов.

У нас нет прецедентного права, как бы единства законов и палеоправил, сложившихся естественным путем. У нас единство – только в том, что человек признается одинаковым, неким существом с однотипным перечнем предпочтений. Одинаковые дома и квартиры (стабильно поганого качества), политические предпочтения (одобряем все наше и клеймим не наше), мода на одежду (не дай бог сланцы с носками или костюм с кроссовками!), пищевые пристрастия (водка, борщ, «оливье») и так далее. Если кто-то выпадает из определенного «линией партии» перечня нормативов, то он – уже какой-то неправильный. Каким образом может формироваться рынок, если эти индивидуальные предпочтения исходят не от конкретного человека и его привычек, а от указания сверху? Он хочет, допустим, слушать «Металлику», а ему уже Кобзона подогнали из всех динамиков города, и не любит он в Новый год каждый раз оказываться отрезанным от мира на две недели, когда ничто нигде не работает, все в запое, а приходится.

Сейчас «Совок» заключается еще в том, что никто ни у

кого не спрашивает, чего он хочет. Даже когда заказываешь что-либо у частника, ему сложно бывает понять, что твой случай уникален в плане выбора: четко оговариваешь парикмахеру параметры нужной прически до сантиметров, но он все равно делает что-то свое, мол, так красивее. Индивидуальное предпочтение приносится в жертву всему, чему только возможно. Ну, объективно, к любому явлению у каждого индивидуальное отношение, сколько людей, столько и мнений. Это тоже рынок, рынок индивидуальных оценок. Когда всем предписывают любить какую-нибудь одну страну и ненавидеть другую с государственного телеканала, то это тоже институциональная агрессия государства, элемент социализма. Внутри социалистического мирка на все наложено «табу», нет рынка, индивидуальных проявлений, выбора, предпочтений. Даже «выпить» наливают, не спрашивая, будешь ли, нет? Есть шаблон – это что-то типа «надо», индивидуальное предпочтение куда-то вытеснено глубоко в подсознание.

Люди, которые все равно сохраняют индивидуальность своих предпочтений или еще почему-то остаются «уникальным случаем» – начинают восприниматься коллективистами какими-то неправильными, государство втайне мечтает их переделать как-то, если не напрямую, то через создание соответствующих настроений среди его активных адептов. Идет своеобразная «война оценок» между индивидуумами и государством.

«Вы любите розы? А я на них...», – это тоже оценка, на цветы может быть аллергия у кого-то, а уж одержимость парфюмом у народа просто маниакальная, хотя это, мягко говоря, не сильно полезная штука и для обычного человека, не страдающего аллергией. Лично меня, например, еще дико удивляет огромное количество магазинов цветов, работающих 24 часа в сутки. Одна учительница, например, попросила ей колбаску приносить на 1 сентября вместо цветочков, но все ей почему-то все равно цветы дарили и дарят. Есть предпочтение, но оно тупо игнорируется, приносится в жертву стереотипу о том, что «надо».

Любая конкретика из мира «реальных людей» выглядит пошло в социалистическом мире, ведь она уничтожает существующие стандарты, создает элемент индивидуального предпочтения, выбора, оценки. На всех пытаются «натянуть маски» какой-то образованности, единообразия, ах, мол, как вы пошло, грубо выражаетесь. Только зачем тратить деньги налогоплательщиков, чтобы мусорщик вам стихи Есенина читал? Как сказал Людвиг фон Мизес: «Сторонники социализма предлагают систему, для которой характерны дошное соблюдение рутины и сопротивление каким бы то ни было улучшениям. Они называют себя либералами, но стремятся уничтожить свободу. Они называют себя демократами, но мечтают о диктатуре. Они называют себя революционерами, но хотят сделать государство всемогущим. Они обещают райские блага, но замышляют превратить мир в ги-

гантскую почтовую канцелярию. Все люди, кроме одного, при этом превращаются в клерков бюрократического учреждения».

Консерватизм не может строиться по «разрядке сверху», так создается только «Совок». Он основан на прецедентном праве, а не на институциональной агрессии, убивающей индивидуальные предпочтения граждан. В Великобритании той же старый закон дополняется новым, но обычно не нарушает его, и это создает консерватизм. В личном плане же люди часто бывают очень причудливы, индивидуальны, чего только стоят «выходки» принца Гарри, а уж какой-нибудь Пол Гаскойн, на которого вся футбольная Британия «молится» – и вовсе шутник редкостный, и «большой оригинал».

3. Естественное и прецедентное право

Почему естественного права недостаточно для построения либертарианского общества? Потому, что это лишь теория, описывающая принадлежность объектов в мире. Но, помимо этого, есть и определенные законы взаимодействия этих объектов на практике, которые могут быть разными в зависимости от конкретной реализации естественного права.

На практике лишь через прецедент можно описать справедливые или несправедливые способы взаимодействия живых, обладающих разумом объектов – с другими объектами. Простой пример: даже криминалисты путаются, где превышение самообороны, а где – нет. Можно ли убить того, кто идет на тебя с пистолетом? Это может быть, а может и не быть угрозой убийства. Это может быть полицейский, выполняющий задание, равно как и бандит, желающий вас застрелить. Никто не может знать наверняка, и потому придумываются определенные правила, когда можно, а когда нельзя применить оружие на поражение. На разных территориях они разные, причем влиять на них может и темперамент проживающего населения. В южных землях, возможно, что «раздумывать» долго не станут, прежде чем применить оружие, потому там может, например, считаться допустимым самооборона даже в относительно более безобидных ситуа-

циях. Вспоминается сразу машина какого-то реднека, на которой было написано что-то вроде «извините, но патроны нынче дорогие, предупредительного выстрела не будет». В той же Бразилии, как известно, есть много жестокой уличной преступности, именно поэтому, когда на находящуюся не при исполнении сотрудницу полиции Сан-Паулу попытался напасть грабитель, и она не только выстрелила в него, но еще и произвела «контрольный залп», когда тот попытался подняться, то подобные действия мужчины расценились, как агрессия, на которую можно ответить стрельбой на поражение. Вполне вероятно, что в другой стране – второй, «контрольный выстрел» – мог бы расцениваться как убийство, но в Бразилии люди не сильно готовы рисковать, и давать какие-то шансы нападающим, ведь слишком велик шанс быть убитым. В целом же суть отношения к владению огнестрельным оружием в обществе следующая. Пацифист считает, что оружия не должно быть ни у кого вообще. Жаль только, что бандиты об этом ничего не хотят слышать. Этактист хочет, чтобы оно принадлежало какому-либо нквдшнику, после чего становится заложником данной ситуации со всеми вытекающими последствиями. Либертарианец же предпочитает владеть оружием сам, а также согласен оставить его тому, кому он лично его готов передать зачем-то, например, для помощи в охране собственности. Мюррей Ротбард по поводу сути ситуации справедливо отмечает, что человек, который отдаёт всё оружие и всю власть над принятием решений в ру-

ки центрального правительства, а затем требует от него ограничить себя, – вот кто по-настоящему непрактичный утопист, а вовсе не либертарианец, которого часто в этом обвиняют по поводу и без.

Другой пример. Если кто-то дотрагивается до другого человека без его согласия, то как это трактовать? Если до руки, то это часто считается попыткой поздороваться, но это не везде распространено, да и всегда найдутся любители хлопнуть еще и по коленке, например. Где-нибудь в Италии женщин традиционно приветствовали и похлопыванием по «мягким частям тела», а в Сингапуре большая плотность населения, потому там запрещено даже обычное прикосновение. Ущерба собственности тут нет особо, но согласия владельца тела может и не быть на это.

Владение собственностью тоже может иметь ограничения, например, вызванные ее опасностью. Скажем, кто-то может захотеть владеть коллекцией гадюк у себя дома, но это слишком небезопасно по понятным причинам для всех, проживающих поблизости. И как тут будет справедливо рассудить – зависит в большей степени от прецедента, чем от естественного права, слишком тонкая грань владения. А кому-то может придти в голову идея собрать ядерную бомбу, например. Если принять это право за данность, то террористам задача упростится до минимума избавления от жителей какой-то страны. При этом прецедент выбранной им юрисдикции, скорее всего, запретит именно такое право владения,

а если нет, то она будет нести сильные репутационные издержки, другие юрисдикции откажутся от сотрудничества с ней. То есть, любое нападение на данный объект с ядерной бомбой не будет признаваться кем-либо преступлением иначе, чем внутри самой юрисдикции. Понятно, что это ставит под сомнение оборонительные возможности этого объекта, и его, скорее всего, просто уничтожат те, кто опасаются за свои жизни, и им за это ничего не будет, если они своевременно покинут территорию этой юрисдикции.

Бывает, что какое-то право владения традиционно не успело реализоваться в институт. Например, право выбора юрисдикции собственником сейчас не кажется чем-то повседневно распространенным, он обязан принадлежать к какому-то государству. Нет пока таких движений в обществе в массовом порядке, традиционно юрисдикция чаще принималась монопольно каким-то монархом, а если ее свергли, то заменяли государством всеобщего благосостояния, где собственники тоже ничего не решают. Голосование не дает им реально возможности выбрать себе юрисдикцию. Как в древние времена монополии гильдий могли сдерживать развитие ремесел, бизнеса, если, например, король даровал это право заниматься какой-то деятельностью кому-то самолично, и запрещал всем остальным, так и сейчас нельзя реализовать право выбрать себе юрисдикцию, своим землям там. Они обязаны принадлежать так же этому конкретному государству, и там все решают чиновники, кому и что можно,

или нельзя делать на этих всех частных землях, без всякого договора с их собственниками.

Почему возникают левые идеи про угнетаемые расы, нации и так далее? Известно, что после гражданской войны индейские племена стали легкой добычей победивших этатистов. Люди, которые жили на своих землях, не имели статуса граждан США (был просто договор, что эти земли принадлежат им). По всей видимости, никто не думал из них юридически добиваться или гражданства, или уж отдельной юрисдикции. Были вооруженные сопротивления, но что от них осталось по факту? Это слишком легко списать на пьяный «дебош», по всей видимости, воевать было им проще, чем доказывать свои права в суде. После войны тоже не слишком охотно нанимались адвокаты, хотя сейчас уже какие-то компенсации им удастся себе вернуть за утраченные земли. Феминистки, «Черные пантеры» и тому подобные – с 60-х годов XX-го века, например, лоббируют свои законы, причем делают это весьма успешно. До такой степени, что везде возникают антидискриминационные законы так называемые, очевидно ущемляющие права большинства населения. Пример доказывает только то, что естественное право иногда может быть нарушено из-за отсутствия нужных прецедентов. Если жертва преступления не пришла и не подала в суд на преступника, не наняла хороших адвокатов, то никому и в голову не придет, что что-то произошло вообще, ведь каждый занят только своими проблемами. Был нарушен до-

говор с индейцами, но по факту все могли подумать, например, что они заключили какое-то новое соглашение с правительством, и добровольно уехали. То есть, от естественного права как теории, до его реализации на практике в виде прецедентного права – есть определенные барьеры, которые нужно преодолевать, чтобы оно было реализовано. В противном случае никто так никогда и не узнает, что у вас были какие-то права. Особенно это актуально, когда речь идет про давние события: никому же не придет в голову отвоевывать собственность, украденную у ваших прадедов большевиками, с автоматом в руках, но судиться за нее никому же не запрещается, объединяться в общества борьбы за права. В то же время левые «движи» пропихивают свои законы потому, что у них есть время этим заниматься, и не встречают нужного противостояния в судах, пока не будут затронуты интересы конкретного собственника.

До XX-го века на страже интересов собственника стояла Демократическая партия США, но, как только она мутировала изнутри из-за новых приемов политической борьбы, как тут же выяснилось, что защищать права больше никому. Законодательная инициатива оказалась слишком пагубным механизмом, подмывающим основы естественного права, реализованного преимущественно через право прецедентное. Федерализм начал взламывать штатные законы и насаждать этатизм.

Мы в данном случае не говорим про случаи, когда палео-

институты уничтожены, и на их место поставлены квазиинституты, как в какой-нибудь Северной Корее, так что расстрелять могут за одно только поданное заявление в суд. Понятно, что тот же капитализм требует соответствующих работающих, хотя бы относительно независимых институтов. Если же опустить такие примеры, где очевидно нужна капиталистическая революция, то будет ошибкой утверждать, как это делают некоторые либертарианцы, что, пока не будет свободного выбора юрисдикций, то все институты и договоры не могут иметь юридической силы, так как они якобы нарушают естественное право на выбор юрисдикции человеком. Права выбора юрисдикции нет потому, что нет рынка юрисдикций и людей, готовых лоббировать это право через суды, и другие институты, платить за это свои деньги тем же хорошим юристам, как в свое время не хватало людей, готовых бороться за право заниматься ремеслами вне гильдий, одобренных королем, или за то, чтобы земли можно было свободно продавать и покупать.

То есть, при наличии работающих исправно институтов нельзя сказать, что естественное право не работает из-за того, что они плохие. Можно сказать только то, что кто-то не стал бороться за его реализацию на практике. Ведь его принципы очевидны, и хороший адвокат мог бы реализовать их вполне успешно. Ведь до прихода к власти бывших виггов — штаты имели права выхода из союза, тут явно все предпосылки были и для большего дробления юрисдикций, если

бы кто-то захотел его установить. БЛМщики, феминистки и прочие как-то же лоббируют свои законы, почему же правые не могут заниматься тем же, восстанавливая тем самым палеопорядок, и открывая для мира все новые законы естественного права, как, например, добровольные юрисдикции? Большинство просто не представляет, что такое в принципе возможно, именно потому их и нет, как индейцы слабо представляли себе институт палеосуда. Понятно, что изначально их многие воспринимали полулюдьми, дикарями, многие из них и правда были такими, раз производили жертвоприношения людей, а позднее – нападали на фермеров и не соблюдали подписанные договоры, но были и очень высокоразвитые цивилизации там представлены, или стали таковыми позднее. Проблема в том, что пока они не пришли и не подали каких-то документов против их депортации, не использовали суды, то как можно было понять, что свершилось что-то несправедливое? Никто не спрашивал по фактам совершенного, не было и ответа по данной проблеме. Возможно, что ситуацию «отыграли» бы обратно на основе, например, поданных документов в суд, и ответа властей. Как сейчас никто из либертарианцев или конфедератов не требует в судах возврата права хотя бы выхода штатов из состава США. Те же индейцы же в настоящий момент живут в своих резервациях и очень преуспевают на своих землях, активно используя все пришедшие достижения цивилизации и высокоразвитые палеоинституты. Сейчас, правда, есть другой ме-

ханизм в идее референдума в некоторых странах о независимости регионов. Понятно, что в глубоко этатистских странах движения типа «за независимость» – подвергаются всяческому гонениям, но и они как-то не рискуют, скажем, финансировать юристов, которые бы в судах добивались возможности права выхода из состава страны. Самое интересное, что подобные движения чаще активны там, где они сами представляют собой достаточно террористические и социалистические движения, как, например, у басков в Испании, североирландцев.

Смысл приведенных примеров, полагаю, что понятен: не всегда государство виновно в том, что кто-то не смог получить что-то, что должно быть его в соответствии с естественными правами. Иногда просто кто-то не смог о них заявить на институциональном уровне. Ведь много, чего в жизни происходит противоправного, что не становится достоянием общественности, когда «сор не выносятся из избы». Естественное право должно быть реализовано через соответствующий прецедент, только тогда станет ясно, что произошло что-то, что противоречит ему. Потому в тех же Штатах, например, «грешно» жаловаться на законы. Там никто вас не убьет, если вы наймете хорошего адвоката, который будет добиваться права смены юрисдикции или независимости штата, частной полиции (кстати, кое-где она и правда там есть, смотрите художественный фильм «Каффс»), и тому подобного. Другое дело, что поддержки вам могут все же

не оказать другие жители страны, ведь уровень жизни высокий, рисковать этим многие могут не захотеть. Если же подача иска в суд автоматом означает убийство заявителя, то это означает, что институты блокированы, тогда действительно на данный момент возможности нет легально реализовывать какие-то естественные права. В этом отличие между этатизмом США и Северной Кореи. В России, полагаю, что примерно промежуточный вариант: какие-то иски можно подавать, и даже иногда их выигрывать, пока вы не затронете ключевые интересы государства, и правящих групп.

Кажется, что можно предъявлять обильные претензии странам вроде Саудовской Аравии, где рынок делает ее лидером, скажем, по ВВП на душу населения (показатель не идеальный, особенно с учетом включения в него государственного сектора, но определенные процессы все же отражает), как и большинству других исламских монархий – по вопросу личных прав. Но если там женщины традиционно перемещаются в присутствии опекунов, значит, что конкретно там такой способ взаимодействия объектов принят за данность. Они могут это вполне легально опротестовать, если это, как они считают, нарушает их права. И движения в пользу либерализации законов там тоже происходят, например, женщинам уже можно передвигаться в группах, водить машины, посещать кинотеатры. Другое дело, что сами жители не всегда видят в этом смысла пока особо. Немногие хотят что-то менять в этом отношении, ведь уровень жизни, как и в

США, весьма высок. И большой вопрос, что еще хуже – если кого-то принудят передвигаться таким странным способом по городу, или если у него отнимут больше половины доходов, как в какой-нибудь вполне демократической стране. В этих монархиях налоги весьма небольшие, по этому показателю они – вполне себе лидеры в либертарианском смысле. Как справедливо заметил Ханс-Херманн Хоппе – в современных монархиях собственность защищена обычно значительно лучше, чем в демократических странах, и это действительно так. Другое дело, что отдельные исламские монархии долгое время оставались очень закрытыми обществами, и им нужно время, чтобы признать важность реализации личных прав граждан, которые не были своевременно воплощены в окружающих реалиях. Хотя в том же Иране или Афганистане до свержения монархии и исламских революций – царили весьма либеральные нравы, что видно даже в фотографиях тех лет, на которых отражена весьма свободная атмосфера взаимоотношений людей. Даже кажется, что это – какая-то южная европейская страна, так как там не видно особых отличий даже в форме одежды людей. Но даже если и есть такие ограничения в одежде где-то, то можно вспомнить, что и в США сравнительно недавно инспекторы ходили с линейкой, и мерили длину юбок у женщин. Да и сейчас нельзя, скажем, придти в оперу в плавках. Если же речь вести о каких-нибудь ОАЭ, то это – вообще одна из наиболее развитых мировых стран по большинству либертарианских

принципов. Павел Дуров в свое время публиковал небольшой пост на эту тему либертарианской тематики, который очень позитивно оценивал их налоговую систему и законы.

4. Этика частной собственности (естественное право)

Никто не задумывается, но в библейском мифе об изгнании из Рая затрагивается тема этики частной собственности. Адам и Ева жили на земле Бога, который сообщил им определенные правила возможности нахождения на своей территории: нельзя есть плоды дерева познания добра и зла. Они нарушили этот запрет, и справедливо были изгнаны. Их проблема была в том, что они посчитали себя достойными обладать «правом на чужое», что в моем понимании и должно быть тем, что называется там первородным грехом.

В основе этики лежит как раз право частной собственности: право распоряжаться своим телом и результатами труда, заключать договора. Если бы Адам нашел плоды в лесу, а не украл с дерева Бога, то он был бы абсолютно прав. Найти что-то – это тоже труд, который должен вознаграждаться, если это уже не имеет какого-то владельца.

Адам и Ева проявили свойство, называемое утилитаризмом. Ради обладания новыми полезными знаниями они разрушили таинство договора. Это то самое свойство, из-за которого на Земле происходит множество конфликтов и войн. Можно ли убить невинного человека ради спасения сотен других людей? Этика отвечает на этот вопрос отрицательно. Что происходит, когда люди переступают через таинство до-

говора? Сотни голодранцев врываются в дом землевладельца и раскулачивают его хозяйство. Они спасают себя от голода, но лишь на непродолжительное время, после чего созидательная деятельность и все договора перестают функционировать, жизнь скрывается во мраке хаоса. Никто не растит урожай, все лишь пытаются его друг у друга украсть.

Очень часто люди условно делятся на два типа: те, кто считает, что «все можно» (типа либералы), и те, кто считает, что «все нельзя» (типа консерваторы). Обе группы ошибаются, можно только то, что не запрещено этикой частной собственности и заключенными договорами частных лиц.

Если мы находимся на территории другой страны, то первое, на что стоит обратить внимание – а соблюдается ли там право частной собственности? Если да, то система существующих правил может считаться легитимной. Понятно, что государство вносит искажения в эту систему в той или иной степени, но в общих чертах вполне очевидно, что КНДР не является такой страной, а США является. Попробуйте догадаться, какая из них распространяет «первородный грех», повреждая тем самым мироздание и природу человека по библейским канонам? Если же этика частной собственности игнорируется, то и договоров нет как таковых в этой стране, заключенных между людьми, они просто подделываются структурой под названием государство.

Этика частной собственности имеет первоочередное значение для людей, так как без этого жизнь превратится в кош-

мар для всех, что, например, очевидно на примере того, что «наворотили» социалисты в разных мундирах на протяжении XX-го столетия. Россия с конца XX-го века попыталась улучшить ситуацию с этикой частной собственности, но местные консерваторы не считают нужным соблюдать договора. Им кажется вполне легитимным снос частного гаража или дома, не получив согласия владельцев. Так попытка сотрудников комитета по контролю за имуществом Петербурга приступить к демонтажу автомобильных гаражей, размещенных на Стародеревенской улице в Приморском районе города, закончилась серьезным конфликтом. Чиновников встретили разгневанные владельцы гаражей, один из которых был с автоматом и свето-шумовыми гранатами. Судя по видео, он произвел несколько выстрелов в воздух. Чиновники, рано или поздно, но показывают, кто является настоящим собственником муниципальных земель – именно по их распоряжениям они отдаются кому-то в аренду, либо, наоборот, забираются. Понятно, что когда там стоит какая-то недвижимая собственность типа гаражей, за которые кооперативщики платили свои деньги, то это все выглядит как легализованное воровство. На этом примере можно легко понять прагматологический принцип, согласно которому собственник – это тот, кому должны принадлежать все извлекаемые из какого-то блага услуги. В данном случае – право делать с землей и гаражами все, что будет нужно владельцам. Чиновники в данном случае просто указали, что именно они

имеют все права на земли и гаражи, а их реальные собственники таких прав не имеют. Понятно, что в норме ситуация должна выглядеть противоположным образом – арендаторы муниципальных земель должны стать автоматом владельцами подобных строений типа гаражей в результате приватизации. Это их законная земля, а чиновники не имеют никаких прав на это имущество в соответствии с концепцией естественных прав. Это абсолютно законный гомстед, когда у какой-то земли появляется собственник по факту первопоселения. А уж тем более это законно, когда эти гаражи стояли много лет и собственники кооператива ими пользовались все это время. Совершенно понятно, почему человек пришел оборонять свое гаражное имущество с оружием в руках – это понятный каждому нормальному человеку естественный принцип, идея которого передавалась из поколения в поколения. Свое имущество можно и нужно оборонять с оружием, но как хитро выстроена вся система законодательства, тут и собственник – не собственник, а лишь временный арендатор имущества, которым чиновник дал право пользоваться, пока у него на этот счет не появится других планов. Ну, а там уж: реновация, расторжение аренды муниципальных земель или снос «самостроя» – поводов указать собственнику, что не ему принадлежат все услуги с данного блага – может быть миллион. Чиновники крайне заинтересованы в том, чтобы национализировать все большие объемы недвижимой собственности, чтобы получить контроль над

ними и всеми вытекающими из них услугами, так что гаражные кооперативы – это такой характерный пример, что раскулачивание никуда не ушло из нашей каждодневной жизни. Это будет и дальше продолжаться, пока частный собственник не будет признан единственным распорядителем собственных земель, и находящегося на них имущества. Сейчас же абсолютно грамотный способ в РФ послать государство со всеми его регуляциями и поборами «куда подальше» в сфере недвижимости – покупка гаражей, которые затем превращаются в пентхаусы, естественное право – полностью на стороне подобных проектов. Нет ничего незаконного в том, чтобы купить землю и построить там то, что душе угодно, никому ничего не объясняя, ни перед кем не отчитываясь, за исключением собственноручно подписанных добровольных договоров. Это очевидно любому здравомыслящему человеку, так и жили наши предки, пока к нам не пришло «большое государство» с его закидонами, превращающими такое простое дело как постройку дома – в «крестовый поход». Конечно же, есть риски, что данные проекты объявят «самостройками», но и можно много лет использовать все эти дома в свое удовольствие, не платя все эти огромные налоги, и поборы. Даже в Китае, где у власти коммунисты, мы видим, что ситуация обстоит несколько лучше, поскольку возможно, чтобы владельцы отказались продавать свою собственность – дом в подобной ситуации, несмотря на желание чиновника проложить там трассу.

В РФ, как всегда, «скотское» отношение к частной собственности. Чиновники что-то там порешали, в результате люди в Татарстане должны терять свои деревенские дома в поселках Дербышки, Нагорный, Сосновка и Вознесенский ради очередной стройки дороги, которую местные жители вообще не хотят иметь. Идет принудительная урбанизация и отъем недвижимости под видом реновации. Сперва отбирают дома, а потом, может быть, чего-то дадут взамен – хорошо знакомая логика распорядителей чужого, чиновников всех мастей. Частная собственность – основа любого проекта в сфере недвижимости. Сначала – договор с владельцем, и если он тебя не пошлет «на три буквы» – только тогда, может быть, что-то и получится, все другие случаи являются воровством. Аналогичная ситуация – в деревне Терехово в пойме реки Москвы. Местные жители утверждают, что Департамент строительства города Москвы предлагает им порядка 20–30 млн рублей за участок и дом, чтобы начать там массовое городское строительство. Однако, говорят тереховцы, приглашенные независимые эксперты оценили их собственность в 10 раз дороже. Дома обнесены суровыми металлическими заборами – жители опасаются поджогов, которые уже неоднократно были.

Современное «раскулачивание» – это такой хитрый механизм воровства недвижимой собственности, когда для чиновника создается много законодательных возможностей придрататься к владельцу и украсть его имущество. Нескошен-

ная трава, нецелевое использование земли, якобы захламленность участка, якобы незаконные строения – это все становится поводом для «бизнеса» на взятках. Понятно, что «докопаться» возможно к чему угодно. Даже мусор можно специально подбросить на участок перед проверкой, если его владельцы, например, уехали отдыхать на пару недель. У чиновника возникает огромное пространство для «творчества». Понятно, что вся эта законодательная деятельность направлена против естественных прав людей, снижает доверие к институту частной собственности. Прикиньте: вы покупаете дорогую виллу, а ее могут отнять просто из-за нескошенной вовремя травки, это же просто анекдот какой-то.

В других же местах, наоборот, может наблюдаться ситуация с заброшенными новыми строящимися поселками из-за различных проблем с регламентациями при вводе их в эксплуатацию. Так в Подмосковье насчитали около ста таких населенных пунктов, треть из них не подлежит восстановлению, говорится в материале агентства «Инком-Недвижимость». Чаще всего подобные объекты расположены на расстоянии более 50 километров от столицы. Их застройщики не выполнили свои обещания, поэтому покупателям приходится самим прокладывать все коммуникации. По мнению экспертов, 80 процентов поселков в Московской области может ожидать подобная участь. Основные причины, по которым поселки начинают вымирать, – это физическое устаревание, юридические проблемы у девелоперов (напри-

мер, получение необходимых разрешений) и их банкротство. Нередко трудности возникают, когда в ходе строительства меняется глава местной администрации. Специалисты полагают, что в Подмосковье достаточно земель без сложной истории, чтобы кто-то из девелоперов рискнул приобрести проблемный поселок. Поэтому если стройка остановилась из-за выявленных нарушений, то завершить ее практически невозможно. На этом примере видно, что главная проблема подмосковной поселковой недвижимости – проблемы со справочками. В тех районах, где этот барьер удалось пробить – вполне заключаются сделки купли-продажи, есть рентабельность. Там, где преодолеть такие проблемы не удалось – нет и спроса на недвижимость, дома ветшают. Получается, что чиновники могут уничтожить до 80% загородной поселковой недвижимости Подмосковья просто через сложность регламентаций, которым надо соответствовать. Никто не хочет иметь с этим проблем, и именно поэтому от поселков с какими-либо бумажными проблемами все бегут, как от чумы. Отсутствие представления о важности этики частной собственности уничтожает целые поселки, ставя превыше этого различные бюрократические препоны.

5. Капитализм и частная собственность

Капитализм строится на строгих принципах частной собственности, защищенных, в том числе, юридически. Там, где эти принципы размываются – там мы имеем проблемы. Где эти рамки строги – там и проблемы решаются просто. Можно этот принцип применить вообще ко всему кругом. Рассмотрим несколько примеров, чтобы понять, о чем идет речь.

Плохая экология? Обычно причина в размытости прав собственности на данных участках. Собственник едва ли станет загрязнять собственные земли или позволять это делать другим. Во времена Российской империи большинство ныне общественных земель были частными – землями царя, знати, именно это, например, спасало леса от вырубки. Сейчас же это – общественный ресурс, который, естественно, каждый постарается использовать с максимальной выгодой для себя, не заботясь о его воспроизводстве. Решение – возврат к частному характеру владения лесами и землями, на которых они расположены. Проблема общинных пастбищ – один из ключевых законов экономики, который не знаком не только обывателю, но и видным специалистам сферы. Общественный ресурс имеет свойство исчерпываться, так как он не находится в частной собственности. Его выгодно исполь-

зовать с максимальной выгодой, не щадя. На общем ничейном или арендуемом поле все стараются максимально выгуливать скот, на частном – заботятся о том, чтобы трава на нем успевала восстанавливаться, чтобы не потерять свой ресурс, а ничье – оно и есть ничье, халява. Его можно исчерпать до дна. По причине незнания закона – землю до сих пор не дают в свободную продажу, вместо этого пытаются решать проблему вырубki лесов методом «увеличения вышек и часовых». Результат этого будет в любом случае каким-то таким, в той или иной мере, что вырубki будут только больше. Это просто вытекает из теории, централизованное планирование не способно эффективно контролировать имеющиеся ресурсы, это может делать только частник, так как обладает всей нужной практической информацией. Он знает, как организовать защиту своего леса от браконьеров, низкая эффективность процесса будет приводить к экономическим потерями, стимулируя придумывать все новые способы ограждения их от нападения. Даже госегерь – лишь охранник чужого ресурса, который ему выгодно распродавать разными хитрыми схемами. Конечно, бывают порядочные охранники природных ресурсов, но и у них нет эффективности их защиты. Для примера приведу предприятия в СССР – с них тащили все, что можно было украсть, и никакими вахтерами, и колючими проволоками это не останавливалось. Общественное – это практически синоним слова «ничье», бери, кто хочет. В Черном море есть проблема, что

в него сливается огромное количество канализации прямо у прибрежной полосы. Многие обвиняют в этом бизнес, но было бы разумно продавать прибрежные участки вместе с частью водоема. Сам собственник следил бы за его чистотой, чтобы не потерять ресурс – свою чистую воду возле дома. Во всяком случае, прибрежная полоса моря так осталась бы чистой, где чаще всего и происходит купание людей. Остальные части водоемов тоже вполне могли бы переходить в частную собственность, например, при добыче золота на Аляске можно купить какой-то квадрат акватории Берингова моря, и там обосноваться. Чем большие акватории оказываются частными, тем больше вероятность, что они окажутся более чистыми. То есть, прибрежные воды оказываются грязными именно потому, что собственники соседних зданий не считают их своим ресурсом. Чем больший размер акватории можно было бы отдать им в частную собственность, тем дальше в море выводилась бы канализация, если бы вообще выводилась без серьезной очистки. Понимая, что несколько загрязняется и своя прибрежная вода при таком способе – вполне вероятно, что искался бы другой способ сброса отходов, более экологичный. Да даже если бы кто-то из собственников прибрежных акваторий «грешил» бы загрязнением этих вод, то он тут же получал бы иски от собственников соседних, которые при этом тоже тут же бы загрязнялись. Конкретный ответчик не смог бы спрятаться за коллективную ответственность на ничейный ресурс, и рисковал бы разорением своего

владения. Жители оренбургского посёлка в частном порядке возвели дамбу, которая спасла их дома от затопления из-за паводка, теперь власти угрожают им штрафами. Они спроектировали ее длиной в полтора километра, собрали на её создание 3 миллиона рублей и в течение пяти дней возводили насыпь. Мужчины были заняты непосредственно строительством, женщины готовили еду, а те, кто мог, предоставили грузовики. По ночам жители посёлка дежурили на дамбе, разыскивая протечки. В итоге сооружение выстояло и спасло Перовский от затопления. При этом никаких выплат от властей жители не получили, более того, некоторые чиновники начали угрожать им штрафами за несогласованное строительство. Перед нами – отличный пример праксеологической координации собственников, которая, в том числе, защитила и общие территории от экологических проблем.

Финансовые кризисы? Причина та же – несоблюдение прав собственности на деньги через частичное резервирование, когда банкам позволяется умножать полученные на хранение деньги. Социалисты видят причину кризисов в капиталистических отношениях, только причина не в капитализме, а в нарушении его принципов функционирования. Она заключается во вседозволенности банковской деятельности, нарушающей права собственности на деньги, из-за которой экономика развивается в рамках экономических циклов. Чем больше накачено денег незаконным путем – тем хуже последующий кризис. Если же соблюдать право собствен-

ности на деньги, то и проблемы вроде «Великой депрессии» не возникнут. Социализм хуже частичного резервирования, его последствия многократно страшнее, но после завершения цикла – очень убедительный аргумент оказывается в руках марксистов, который слишком многие принимают на веру, не пытаясь понять настоящих причин происходящего.

Брак означает право на «доступ к телу» к представителю противоположного пола, а также унаследование имущества, в том числе совместным потомством. Отклонение от этого понимания размывает это состояние права собственности. Вместо родственного принципа перехода имущества – ему на смену приходит просто социальный. Если традиционный брак разваливается, то он все равно несет заложенный смысл в том плане, что если остается совместное потомство, то оно должно иметь какие-то права, если иное не решили его родители. Если же его нет, то и людей связывать более ничего не может в имущественном плане. По этой причине все другие теоретически возможные состояния отношений, если их пытаются придумать зачем-то для этого понятия, то просто пытаются объединить то, что не подлежит связыванию. Все люди может и братья иногда, но не в имущественном плане, иначе это – социализм, и в нем можно дойти до того, что уход за собственным телом будет восприниматься актом эгоистического индивидуализма. Брак защищает до определенного предела родственные связи, интересы отпрысков, а других отношений для защиты не может быть в этом брачном смыс-

ле. Все остальное можно и так передать индивидуально по личному договору.

Право интеллектуальной собственности пришло к нам сравнительно недавно, но и здесь мы видим попытки размыть рамки понятий, чтобы присвоить то, что им не принадлежит – всяческими «пиратами». Само понятие подразумевает какой-то вложенный труд авторами, который некоторые стремятся «раскулачить». Исходя из того же принципа понятно, что ничего хорошего это не сулит. Какой смысл, например, создавать гениальные компьютерные игры, если любой желающий имеет право их присвоить, не заплатив ни цента? Понятно, что это будет тормозить развитие данного направления жизнедеятельности человека.

Мысль, которую сложно понять этатистам – государственным юристам, экономистам, служащим, что понятие собственности появляется автоматом везде, когда какой-то потенциальный покупатель что-то хочет купить, а потенциальный продавец – продать. Как бы возникающие в результате владения каким-то благом услуги – делают его автоматом собственностью, неважно, что именно это есть. Главное, чтобы было неоспоримо право владения этим благом по факту очевидной первопринадлежности. Например, человек, набравший в канистру канадский воздух – имеет все права на него, так как он может продать его в Китае, где есть спрос на него из-за плохой экологии (такой прецедент действительно есть). И эти права автоматом должны быть защище-

ны юридически. Например, если по пути перемещения канистры некто захочет открыть ее, то он автоматом должен будет компенсировать стоимость данного товара – в данном случае воздуха. Сам принцип же первопринадлежности глубоко понятен каждому здравомыслящему человеку, это – некоторый спонтанный порядок, которым руководствовались наши предки многие тысячелетия своего существования. Любопытный случай на эту тему произошел в одном лесу. Грибник развесил на деревьях оповещения, что он первым нашел грибы, на которые указывала стрелка и требовал их не рвать, так как он их обнаружил раньше, с указанием точной даты обнаружения. Там же была указана причина оставления их там, что они пока слишком маленькие, и тот заберет их после того, как те как следует подрастут.

Многие думают, что частные улицы – это утопия, предмет спекуляций либертарианцев, но из-за налоговой задолженности целая улица в Сан-Франциско оказалась в частных руках «при живом государстве», на ней расположено 38 престижных особняков. Ассоциация местных домовладельцев целых 30 лет не платила налог на собственность, задолжав 994 доллара. Произошло это потому, что счета приходили на имя бухгалтера, который уехал из этого района еще в 1980-х годах. Но в связи с накопившейся налоговой задолженностью улицу выставили на аукцион и выкупили за смехотворную цену в 90 тысяч долларов. На предложение о продаже улицы супруги Тина Лэм из Тайваня и Майкл Ченг из Гон-

конга наткнулись в апреле 2015 года, когда искали выгодные условия для покупки жилья в Сан-Франциско. А вот жители Пресидио Террас узнали об изменении своего положения гораздо позже: осознав масштабы своей власти, новые владельцы ввели плату за аренду 120 парковочных мест на своих дорогах. Так произошла крупная сделка, о результатах которой даже не уведомили хозяев здешних домов. Они пребывают в шоке и даже обратились в суд, но иски результата не дают. Теперь счастливая парочка владеет дорогами, тротуарами, несколькими заведениями и даже деревьями района. То есть, государство запросто отдало целую улицу в руки покупателю по смехотворной цене, примерно так, как у нас олигархи приватизировали многие предприятия в 90-е. Конечно же, характер сделки залоговых аукционов (когда имущество, арестованное за налоги – продается частному лицу по привилегии) – едва ли в норме может считаться законным, но прецедент интересный в плане расширения кругозора понимания того, как оно в принципе может быть с частными улицами. Будучи полностью на стороне потерявших собственность граждан, все же отметим, что такая ситуация совершенно запросто может быть на свободном рынке, когда, например, один человек выкупил проспект и хочет получать с него доход, с того же паркинга, например. Возможно, что с новым владельцем улицы тем же жителям домов будет по факту даже проще договориться в конечном итоге, так как тут мы сталкиваемся с ситуацией, когда собственность при-

надлежит двум людям, а не сотням, и ею проще управлять на основе индивидуальных решений. Я просто напомню про все эти скандалы с ТСЖ, когда через выборы к власти приходили прохиндеи, выписывали себе премии за счет жильцов, заключали подряды с фирмами своих родственников по завышенным тарифам, расхищали собранные средства. Здесь же ничего подобного скорее всего не будет. Владелец сам заинтересован в том, чтобы жители домов пользовались его услугами. Потому цена на паркинг будет, по всей видимости, такой, какую в среднем готовы будут платить жильцы. Если же цена будет завышенной, то жители домов предпочтут делать гаражи в своих домах и склоняться к подобным решениям. Понятно, что в столь нечестной ситуации они, скорее всего, будут так делать, даже если цена их будет устраивать, но в гипотетической ситуации, когда покупка улицы прошла честно, то по этому, и другим вопросам все, наиболее вероятно, будет приходиться к взаимовыгодному решению. Причем, никаких скандалов бы не было, так как понятно, что собственник – один, и какими-либо выборами, и «подковерными играми» деньги жильцов невозможно расхитить – те просто откажутся заключать контракт с владельцем улицы, если он их не устроит. И потом, в такой ситуации все издержки вроде содержания дорог, деревьев, тротуаров – ложатся на нового частного, а владельцы домов их эксплуатацию оплачивать не должны. То есть, каждый житель вправе выбирать, оплачивать или нет индивидуально, чтобы возле его дома сделали

хорошую дорогу, обслуживали деревья, или нет. Он может даже поторговаться, чтобы выбить себе лучший индивидуальный договор. В случае с коллективной частной собственностью у него, скорее всего, такой возможности бы просто не было, а был бы лишь один голос по любому вопросу. Понятно, что в какой-то степени решения ассоциации его бы устраивали, но в какой-то и не устраивали бы. Потому, что предпочтения – штука сугубо индивидуальная, и как это ни странно, но вовсе не факт, что даже данная пара из другой страны в конечном итоге станет обходиться жителям особняков дороже, чем это было при былой ассоциации, которая так нелепо прошляпила собственность на целую улицу. Вполне возможно, что и по другим вопросам могла обнаружиться какая-то некомпетентность, например, что для укладки асфальта выбирался не самый лучший поставщик услуг по соотношению цена/качество. Здесь же любая подобная оплошность будет бить по кошельку того, кто имеет возможность принимать решение. Он не голос против подаст, а сам лично разорвет контракт с плохой фирмой, и все. На рынке чаще всего имеется тенденция к уходу собственности в руки именно мажоритарных владельцев, так как им проще принимать качественные решения. 90% пакета акций одной фирмы – это намного большая и дорогая ценность, чем 45% в двух аналогичных, так как позволяет управлять ей намного большими способами. Потому, например, в США очень распространены не квартиры, а апартаменты, когда общая соб-

ственность на дом, и территорию вокруг принадлежит одному собственнику. А уже на квартиры заключаются индивидуальные договоры, и понятно, что они не подразумевают возможности управления в других местах дома. Там владелец решает эти проблемы индивидуально и дает все возможности успешней устроиться клиентам. Так, что те обычно еще и располагают такими возможностями, как бассейны, водоемы с уточками кругом, и тому подобными красотами, причем вовсе не обязательно это все обходится особо дорого, так как услуги должны быть конкурентными, чтобы именно здесь покупали, и арендовали те же апартаменты. Понятно, что и управление улицей – в целом аналогично эффективней, чтобы у нее было небольшое число владельцев, но хотелось бы видеть переход собственности здесь на законных рыночных, и естественно-правовых основаниях, а не по схемам залоговых аукционов, но только такие возможности готов давать чиновник, чаще всего – своим каким-то родственникам, и знакомым, в редких случаях же происходят подобные странные ситуации. Конечно же, они не могут считаться чем-то положительным, но все равно демонстрируют то, что частная собственность на улицы и сделки на них – это вполне нормальная, и здоровая ситуация даже сейчас, позволяющая качественно управлять данными территориями, что это – реалии, а не плод чьей-то фантазии. Более того, если говорить непосредственно о дорогах, то задачу приведения в порядок плохих английских дорог выполнили именно част-

ные дорожные компании. Они с 1706-го года создали сеть частных покрытий, которым завидовала вся Европа. Обычно владельцами этих компаний были крупные предприниматели, а расходы на их содержание они возмещали за счет платы за проезд, которую собирали на контрольных постах. Поскольку же дорожные компании заботились о выгоде, то они легко договорились объединить свои пути в единую сеть, которая со временем охватила всю страну. Аналогичная ситуация сложилась и в США, но несколько позднее, в начале 1800-х годов, когда в северо-восточных штатах появилась сеть прекрасных частных покрытий. Финансировали же их землевладельцы и торговцы, чьи дома располагались вдоль них. Все так же было сведено в единую сеть дорог.

Многие могут подумать, что государство способно управлять качественно если не улицами и дорогами, то уж, во всяком случае, сможет справиться с подземными ветками метро, однако, чилийский опыт показывает, что и тут – не все так просто, как кажется на первый взгляд. Дело в том, что резкое повышение цен на проезд там привело к массовым беспорядкам в 2019-м году. Внезапно начались протесты, переросшие в массовые беспорядки с убитыми и ранеными. На улицы вышли солдаты и военная техника, в стране было введено чрезвычайное положение, и комендантский час. Госмонополия на муниципальную землю позволяет диктовать любые тарифы на то же метро, в этом и заключается причина недовольств. Государству нет надобности уста-

навливать наиболее адекватные рыночной ситуации тарифы, ведь метро в любом случае финансируется из бюджета. Если цена будет завышена и это снизит прибыль от платы за проезд, то пассажиры могут чаще начать выбирать наземные способы передвижения, и это никак не отразится на стоимости проезда в метро. Это абсолютно нерыночное образование и акции протестов, погромы станций – как раз указывают на существующую рассогласованность в обществе. Частное метро старалось бы заманить в себя всяческими скидками и тому подобным, как это часто бывает в бизнесе. Оно было бы заинтересовано в том, чтобы получались максимальные прибыли при минимальной амортизации. То есть, цены за проезд там могли бы колебаться в зависимости от времени проезда – в часы пик билет стоил бы дороже, в другое время – дешевле, но в любом случае предприниматель производил бы экономический расчет, который показывал бы ему ту цену, которая нужна в текущей ситуации. Если бы проезд был слишком дорогой, то это вело бы к убыткам и выбору наземного транспорта, других линий метро конкурентов. Самим фактом проезда по этим ценам – жители Сантьяго уже подтверждали бы свое согласие с ними. Понятно, что в такой ситуации ни о каких возмущениях не могло бы быть речи, наоборот, владелец линии метро проявлял бы озабоченность просто потому, что привычный поток пассажиров отказывается выбирать именно его ветку из-за дороговизны, ведь это может его разорить. Тут же этот естественный меха-

низм устранения рассогласованности в обществе рыночным путем оказался недоступен и начались проблемы, когда выжигаются целые станции протестующими. Все это – и есть цена государства, и его монопольных услуг, которую все мы платим каждодневно в повседневной жизни.

6. Право владения и право использования частной собственности

Идея либертарианства связана с естественным правом каждого человека на использование своего тела и имущества, если это не нарушает естественное право другого человека. И вот здесь часто среди либертарианцев возникают споры. Дело в том, что, к сожалению, собственности находятся в слишком непосредственной близости друг от друга, и это уже накладывает определенное влияние на окружающих. Так, включенная громко музыка ночью мешает спать соседям. При этом непосредственного ущерба их имуществу нет, но все же очевидно негативное влияние на то же самочувствие, например. И здесь либертарианцы идут по двум путям: первые говорят о том, что все надо разрешить, а вторые – что все надо запретить из подобного рода «вещей», вроде громкой музыки ночью.

Если пофантазировать, то можно придумать множество других примеров. Допустим, что кто-то решил у себя дома собрать коллекцию динамита, ну вот хобби у него такое. Вроде бы, имеет право, но, «случись чего» – и на воздух взлетят все, а не только этот человек.

То есть, можно сказать, что первый лагерь либертариан-

цев призывает судить по фактам совершенного, но ведь тогда и в разработке ядерного оружия нет ничего страшного, пока не прозвучал ядерный взрыв. Ну и жизнь, несмотря на кажущиеся преимущества, будет изобиловать массой конфузов, например, что хождение голым по улице станет нормой, или представьте, что кто-то занял место на улице, и отказывается пропускать автомобили иначе, чем за денежное вознаграждение, так как он расположился там раньше.

Второй лагерь, наоборот, стремится «все запретить». Проституция, продажа наркотиков (а, может, и алкоголя?), митинги, порнография и тому подобное. Здесь же угроза противоположная – есть риск «за деревьями потерять лес». То есть, на первый взгляд, кажется, что человек может пользоваться своим имуществом по собственному усмотрению, но в действительности оказывается, что он «связан по рукам и ногам». Есть машина, но ее нельзя парковать. Есть сигарета, но ее нельзя прикурить. Есть мощные динамики, но их нельзя включить из-за слишком громкой музыки. Есть убеждения, но их нельзя не только продемонстрировать, но и даже обозначить в виде предметов какой-то субкультуры.

И кто здесь прав? В действительности, полагаю, что мы констатировали приведенные выше примеры того, что право владения своим имуществом и телом не обязательно означает право на полное его использование без каких-либо ограничений, но и сами ограничения не должны быть чрезмерными.

Ну и кто будет решать все эти вопросы? Полагаю, что ответ на них лежит в плоскости палеолибертарианства. В этой идее предполагается, что должна действовать система независимых судов, при этом максимум их полномочий должен приходиться на региональный уровень. Одновременно, совершенно очевидно, нужно запретить тем же парламентам писать законы, регулирующие жизнь простых граждан, и тем самым вмешиваться в деятельность судов, которым нужно опираться только лишь на прецедентное право, и существующее ранее законодательство.

В такой ситуации происходит естественная координация граждан в сфере экономики и права. Вопросы же ограничений на право использования собственности должны стать предметом битвы адвокатов. Ведь нам важно, чтобы тот или иной запрет вытекал из всего предыдущего опыта понимания того, какое правило справедливого поведения в конкретной местности является актуальным, а какое – нет. Это все заложено в истории конкретных исков и тяжб. Если же внезапно окажется, что какой-то судья плохо в этом разбирается, то его же земляки откажутся «пожимать ему руку», а то и потребуют его увольнения. В общем-то, как шерифа можно выбрать, аналогично и судей, по идее, было бы логично выбирать, или хоть ротировать как-либо гражданами. В идеале, конечно, было бы хорошо придти к системе добровольных контрактов, чтобы каждый мог выбирать себе юрисдикцию, но и такой прием даст существенное улучшение прав соб-

ственности в нынешней ситуации, снизит степень этатизма существующих политических систем диктата парламентов.

В конечном итоге окажется, что в одном регионе есть одни ограничения на использование частной собственности, а в другом – другие. Где-то консервативней, где-то – либеральней. Но, в любом случае, решения будут справедливыми, и отвечать истории экономической, и правовой консолидации людей данного региона.

Еще можно вспомнить про объекты искусства, которые также имеют ограничения на использование частным собственником. При покупке какого-то раритета обычно прописывается необходимость поддержания его в хорошем состоянии и запрещается, скажем, его уничтожение, хоть это, вроде как, и право его владельца, если подходить к вопросу с позиции неограниченного права использования собственности, и это также логично.

То есть, ситуаций миллион, и их сложно объять, подходя к вопросу только с позиции естественного права и минуя непосредственно право прецедентное в каком-то регионе. При этом логично, что никоим образом не должно быть нарушено право владения частной собственностью какого-то лица, которое не причиняло ущерба естественным правам другого человека. То есть, человек имеет право коллекционировать динамит, но вполне могут быть ограничения на хранение его в непосредственной близости от своих соседей.

Аналогично следует поступать и с другими спорными во-

просами. Если кто-то считает, что наркотики должны быть разрешены или запрещены, то ему следует нанять хорошего адвоката, который докажет законность данных притязаний, опираясь на правила справедливого поведения в данном регионе, закрепленные в законах прецедентного права. И вполне может получиться, например, что человек имеет право владеть коноплей, а продавать ее – уже нет, или еще как-то иначе. И это будет вполне либертарно, поскольку будет опираться на опыт координации граждан в сфере экономики и права, а не просто на распоряжения «доброго дяди». Несогласные же в идеале должны иметь право отделиться от данной юрисдикции, если они владеют всеми титулами собственности на свою землю. Так будет восстановлено естественное положение вещей, когда права и титулы собственности передаются по доброй воле, а законы действуют исходя из собственных намерений граждан, а не по самоличной воле чиновника.

7. Естественное право как «мерило» этики

В нашем мире существует множество различных народов и обществ, каждый из которых несет в себе совокупность моральных принципов. Очень часто эти принципы не совпадают у разных народов, что чревато межнациональными конфликтами. Возьмем самый типичный пример: у мусульман считается зазорным пить алкоголь, а у христиан – многоженство. Кто здесь прав?

На самом деле, подобные проблемы решаются за счет понятия естественного права, которое означает наличие некоторых универсальных этических принципов. Иногда моральные нормы конкретных обществ могут нарушать их, что и является признаком того, что с этим обществом – «явно что-то не так». Естественное право подразумевает собой право частной собственности конкретного человека, которое естественным образом общество делегировало ему в процессе эволюции. Это право включает в себя право на свое тело, недвижимость, материальные блага, заключение договоров с другими членами общества.

Этот же принцип ограничивает нас в том, чтобы лишать тех же прав других людей, потому он еще называется негативным правом. Если этот принцип не действует, то общество в нем будет слабым и нежизнеспособным, рискует

быть уничтоженным более сильными народностями. Налоги также лишают человека права частной собственности на продукты своего труда, что также подрывает его основы. Чем больше налоги, тем больше и проблем, так как это – сугубо воровской способ перераспределения, он подразумевает экспроприацию. Более того, поскольку они часто превышают десятки процентов, то выходит, что минимум один месяц в году каждый работает бесплатно на государство, и в этом смысле становится крепостным, который «батрачит» на барина без всякой оплаты своего труда.

Если мы посмотрим, то по всему миру страны и племена, где отрицается естественное право, являются наиболее отсталыми, а значит и уязвимыми. Почему это происходит? Дело в том, что природа человека такова, что он готов «творить» только тогда, когда обладает правами на продукты своего творчества. Как только эти права исчезают, то пропадает и желание действовать, более логичной моделью поведения будет стремление «не высовываться», обеспечивающее лучшее выживание в компании «себе подобных», потому как отклоняющееся от нормативов поведение – повод признать в члене племени чужака, так как он не такой, как мы, а значит может представлять потенциальную опасность, ведь его поведение непредсказуемо.

Коммунистическая и социалистическая концепции, по сути, ввергают общество в первобытное состояние, когда главная цель – «быть хорошим» в глазах социума (особенно

его привилегированной части), единым целым с ним, обеспечивая тем самым свое выживание, так как отсутствие частной собственности означает и отсутствие права на свое тело. По этой причине во времена торжества социализма происходит так много убийств. Государство в лице чиновников может взять любого человека, и бросить на какую-то войну как расходный материал для своих целей, или просто расстрелять, как «врага народа», если ему что-то не понравится. Почему в СССР немецких национал-социалистов внезапно стали называть фашистами (которые были типичны для Италии того времени, но не для Германии)? Ответ лежит на поверхности, чтобы ненароком не дискредитировать в массах столь милое «делу партии» слово, как «социализм». Любопытно, что сделано это было с подачи Сталина, который осознал, что после начала войны с Германией выходит, что два социализма воюют друг с другом, и дал разъяснение на эту тему в своем вступлении на заседании Московского совета в ноябре 1941-го года. С этого периода как бы немецкий социализм «по мановению волшебной палочки» «выписывался из социализма», и назывался в честь союзников Германии на фронтах SWW того периода. Таким образом, вроде как, все преступления гитлеровцев совершались совсем не социалистами, а какими-то там фашистами. Согласно Мизесу же, к сожалению, большинству людей не хватает интеллектуальных способностей и смелости противостоять массовому движению, каким бы пагубным и необдуманном оно ни было.

В этом заключается еще одна опасность социализма, ведь он усиливает именно массовые тенденции, а не индивидуальные.

Позитивное право, исходящее от государства, должно в идеале соответствовать естественному праву и не «захламлять» его большим количеством посторонних нормативных документов, так как они в любом случае будут ему противоречить в какой-то степени, подрывать основы общества. Так, право на бесплатное образование вынуждает оплачивать из собственного кармана учебу какого-то постороннего человека, а значит являет собой посягательство на частную собственность.

Вполне логично, что и взгляды на мораль должны исходить именно из естественного права. Так, в нашем обществе очень развита марксистская мораль, проявляется она в том, что люди оценивают поведение не с позиций «правильно-неправильно», а с позиций «хорошо-плохо». Люди сами выдумывают критерии для морали, чтобы оправдать свои претензии на что-то. Бедность здесь часто выступает весомой причиной для получения большей части собственности, при этом в ход часто пускаются аргументы о всеобщем равенстве: «У тебя уже есть много денег, так отдай это все мне, у меня семья большая».

Размер любой претензии возрастает пропорционально тому, что получает человек таким паразитическим образом. Начинается все с права на собственность, а кончатся может

правом на ваше тело, что показал и 1917-й год.

Вопрос свободы – это, прежде всего, вопрос соотношения частных собственности граждан. У себя дома можно многое себе позволить, но на общих территориях происходит пересечение сфер законных интересов слишком большого количества людей, рождающее определенные ограничения, закрепленные в правовых актах. Это же не с неба все свалилось, а предмет договоренности людей, сложившийся в результате эволюции на данной территории у данного народа. Именно она позволила сделать так, чтобы из-за собственности и разного понимания норм поведения не «лилась кровь», потому революционный способ перемен в них может привести только к тому, что компромисс будет утерян, и снова начнутся конфликты, и войны. Перемены в сторону смещения ближе к естественному праву в идеале должны происходить эволюционным путем и постепенной корректировки отживших нормативов. Людвиг фон Мизес обращал внимание на то, что у так называемых современных либералов в нынешнем понимании слова популярна идея о том, что свобода слова, измышлений, печати, вероисповеданий, свобода от тюремного заключения без суда – все подобные свободы могут быть сохранены при отсутствии так называемой экономической свободы. В действительности же они не понимают, что в системе, где нет рынка, где всё контролирует правительство – все остальные свободы иллюзорны, даже если закреплены в законах и конституциях.

«Бомбежка» религии и других естественных социальных институтов подрывает основы существования общества, как гармоничного организма. В результате возникают различные побочные эффекты вроде кровавых революций, культивирования норм насилия и упадка, что приносит всегда негативный эффект. В то же время искусственно насажденные социальные институты тем же государством – нигде не подтвердили своей эффективности, а значит большой вопрос, нужны ли они социуму, если испытания на эволюцию они не проходили, не станут ли они «аппендиксом» в его организме?

За век социализма естественные социальные институты и культурные особенности нашего общества настолько сильно были изменены насильственным путем, что мы сами не замечаем, что несем в себе элементы этой искусственной морали, а также ухитрились заразить весь мир этой заразой. Марксисты в своем стремлении облагодетельствовать большую часть населения за счет меньшей – смотрят в ближайшую перспективу, забывая об отдаленном будущем. Сегодня они ограбили «кулаков», накормив их запасами всю местную бедноту, а завтра грабить будет уже некого и наступит голод.

Обычно в праксеологии любят рассматривать гипотетический юморный пример про некую страну Руританию, в которой, например, не любят рыжих людей (любимый пример Мюррея Ротбарда). Исходя из этого, в каждом поколении убивают определенное небольшое число людей. Утилитарист (тот, кто считает, что моральная ценность пове-

дения определяется его полезностью для большинства) при этом замечает, что это не страшно, так как большинство населения остается довольным тем зрелищем, которое создаст казнь рыжих, и это успокаивает психологически общество, социальные издержки этого не велики. Либертарианец же, который чтит естественное право и оценивает с этих позиций справедливость действия – будет возмущен из-за неоправданного применения силы к человеку, который не делает ничего дурного, несмотря на все преимущества подобного рода действий для остальных людей.

Право на свое тело следует из того, что никто бы в нашем мире не выжил, если бы должен был спрашивать у других людей разрешения на свои действия, каждый свой шаг. Пока всех опросил, можно ли попить водички – умер от жажды. Право на собственность первого владельца вещи следует из того, что, например, рыболов имеет право на пойманную в общем океане рыбу по факту совершенной работы, это очевидно. Скульптор имеет право на созданное из глины творение, ни у кого этот факт не вызывает сомнения. Все то же самое относится и к земле – первый владелец имеет право ее сделать своей собственностью по тому же принципу, после того, как, например, устроит там хозяйство, начнет растить урожай, огородит или поставит дом. Нет никакой разницы между бизнесменом, который зарабатывает на перепродаже акций и рыбаком, который ловит рыбу в океане. Они оба должны обладать одинаковыми естественными правами

распоряжаться своим телом и имуществом. Те, кто утверждают обратное – идут против здравого смысла, заложенного самой природой человека.

8. Интеллектуальная собственность

Интеллектуальная собственность – очень широкое понятие, включающее патенты, права на средства индивидуализации, секреты производства, и так далее. Что-то из этого – и правда может быть оспорено, но уж права автора на результаты интеллектуального труда всяко имеют основание ничуть не меньше, чем при создании, например, чего-либо своими руками. Это прямое следствие естественного права на свое тело, контракты и результаты труда, которые были получены из владения всей этой своей собственностью (включая работу своего тела, мозга), это тот же самый основной либертарианский принцип. Противники договора оферты с целью защиты авторского права просто не понимают природы самого понятия интеллектуальная собственность, тут созданное носит не вещественный характер, поэтому требует другого подхода. Можно спорить насчет патентов или средств индивидуализации – здесь все не так уж однозначно с точки зрения того, что нет прямой связи между созданным и невозможностью другими создать что-то подобное, хотя и те же патенты тоже могут быть актуальны, так как очевидно, что, скорее всего, все же конкуренты наиболее вероятно «скоммуниздят» изобретение, а не случайным образом придумают что-то аналогичное, и поддержка Мюрреем Ротбардом тех же патентов весьма, и весьма логична во всяком

случае. Что же касается права автора на результаты труда, то здесь все намного банальней. Природа созданного не аналогична имущественной собственности, здесь не играет роли количество, а только качество созданного, потому как ее легко можно скопировать из-за ее невещественного характера, и нужно защищаться именно от возможности ее незаконного копирования, что прекрасно выполняет тот же договор оферты.

Многие считающие себя либертарианцами люди отвергают понятие интеллектуальной собственности по причине того, что оно не связано с понятием собственности как таковой, подразумевающей ее материальный характер. Их вводит в заблуждение, прежде всего, то, что либертарианские концепции часто строятся вокруг понятия собственности, но значительно реже затрагивается понятие договор.

В действительности понятие договора имеет более принципиальное и первичное значение, чем понятие собственности. Собственность – просто частный случай договора, в котором ее может и не быть. Бывают же трудовые договора, агентские, брачные контракты, где может также не быть никакой собственности, а только предписание на конкретные действия. Что же тогда, за необходимостью сотрудником выполнять служебные обязанности стоит видеть угнетение?

Все, что может быть выражено словами – может иметь и какой-то договор. Скажем, в Штатах можно заключить его так, что в случае измены жена лишается того-то и того-то.

Договор – это просто выраженное намерение, собственность не обязательно будет в нем упомянута, главное – его юридическая конкретность. Чтобы юрист мог признать его силу. Хотя, если речь идет о «джентльменском соглашении», то даже это может быть не обязательным.

Оферта на нераспространение интеллектуальной собственности – такой же случай договора, как и брачный контракт с опцией штрафа за измену, если таковая будет зафиксирована. И некто может получить деньги как на продаже «тачки», фильма за его авторством, так и за то, что супруга нарушила брачный договор и изменила ему. Никто не вправе нарушать заключенный договор, потому с момента принятия оферты, запрещающей тиражирование материалов – нельзя их копировать не потому, что они есть собственность (интеллектуальная собственность – это отдельное понятие, не относящееся к ней согласно нашему законодательству), а потому, что это – договор. И его нарушение должно иметь какие-то последствия по понятным причинам. Нарушил договор = украл. Нет никакой разницы, в результате нарушения договора была украдена собственность или нет. В случае с изменой жены тоже не было пропажи собственности, но штраф прописан в контракте. Воровство – частный случай нарушения договора.

Люди сами оценивают, что для них важно, а что – нет, и их оценки субъективны. Где-то они готовы и деньги заплатить за какие-то не просто нематериальные вещи, а вообще

не пойми за что. Скажем, был известен случай продажи замка вместе с привидением, можно на аукцион выставить свою удачу и ее кто-то может купить.

Если же мы зацикливаемся только вокруг собственности и игнорируем авторское право, то выходит, что мы отказываем людям в праве заключать добровольно договора, что есть грубейшее нарушение либертарианского принципа. То есть, подобные либертарианцы являются либертарианцами только относительно собственности, и коммунистами по отношению ко всему остальному, на что еще могут быть заключены договора. Аргумент, что скачавшие с Интернета украденное люди ничего не украли – ложен, так как они являются соучастниками нарушения первичного договора между автором и тем, кто его незаконно скопировал. Аналогично перепроданные украденные часы нужно вернуть первому владельцу, так как их использование нарушает первичный договор, что они являются собственностью первого владельца. Мне, например, в этом смысле нравится, как действует право автора на свою музыку в социальной сети «ВКонтакте»: там просто удаляют те треки, которые были скопированы незаконно, и оставляют другую, бесплатное прослушивание которой не вызывает протестов авторов.

Достаточно хитрой чертой многих «леваков» является то, что они соблюдают право собственности, но не соблюдают договора, через что эту самую собственность и воруют. Это как в анекдоте про Чапаева, что он играл в карты с ан-

гличанами в частном джентльменском клубе и проигрался «вдрызг», но тут услышал, что открывать карты не обязательно, все джентльмены и верят друг другу «на слово». И тогда он рассказывает: «Вот тут-то мне „пруха“ и пошла, Петька». Понятно, что правила карточного клуба в таких ситуациях подразумевают жесткие санкции в отношении шулера, но собственность здесь опять не причем, нарушен был просто договор на честную игру. Можно привести пример цифрового ключа от сейфа, где деньги лежат. Опять никакой собственности, но как быть с договором с охранником не говорить никому комбинацию цифр?

Договор на продажу – частный случай договора, он подразумевает какой-то рынок и оборот, а уж что продавать и покупать – это решать тем, кто его заключает. Здесь фантазия может просто придумывать оборот совершенно невообразимого: «продажа звезд», «лойсов», «воздушных поцелуев», персонажей компьютерных игр. Вовсе не обязательно все это должно быть собственностью. Рынок услуг также ее не имеет, но из этого не следует, что, получив деньги – можно не исполнять то, за что они были заплачены (например, за починку примуса), так как это – договор.

То есть, рынок слишком многообразен и регулируется договорами, а не собственностью. Она – просто частный случай. Договор на запрет копирования своего фильма – такой же договор, как и на починку или продажу примуса, продажу привидения в придачу к замку.

Вообще же, в этой главе я сознательно не стал путать читателя с начала ее повествования, но понятие собственности согласно Мизесу и его праксеологии (наука о сознательной деятельности человека), ее подразделу – экономике (наука о преследуемых человеком целях) – должно пониматься несколько иначе, чем в законодательстве отдельных стран. Под ним подразумеваются просто услуги, которые можно извлечь из обладания каким-то благом, и правом владения которыми должно обладать частное лицо. Думаю, что в этой трактовке – написанная автором книга является не только благом, но и собственностью. Из чего также вытекают все права автора на распоряжение ею по своему усмотрению, как и любой другой собственностью, такой как автомобилем, домом, телефоном, и тому подобным.

9. Искусственные монополии, палеоправила и естественное право

Если задуматься на тему естественных прав людей и того, как они получают реализацию в мире через палеозаконны (сформировавшиеся естественным путем правила), то на ум приходит ассоциация с игровыми видами спорта. Вот, например, баскетбол: запрещены «пробежки», «двойное ведение мяча», а за грубый контакт с телом соперника полагаются штрафные баллы: фолы. В случае набора пяти фолов – игрок покидает площадку. То есть, есть какое-то представление об естественных правах игроков, что, например, нельзя причинять умышленный вред их телам. Каждый грубый контакт трактуется в пользу кого-то из игроков, либо признается в данной ситуации обычным игровым моментом. Права собственности на вещи здесь выражаются в праве владения мячом: определенные вещи с ним делать можно, а за другие на владельца накладываются санкции.

В хоккее существуют другие правила, и в нем игрокам позволено намного больше делать по отношению друг к другу: силовые приемы, захваты, можно даже прижать противника к борту хоккейной коробки, нередко драки. Драки штрафуются удалениями с площадки на различное время, но они все же воспринимаются, как что-то обыденное. В баскетболе и футболе за это же удаляют с поля до конца игры,

штрафуют и можно получить многоматчевые дисквалификации.

Отдельные, наиболее грубые действия в командных видах спорта караются пожизненной дисквалификацией. Стоит отметить, что в примитивных обществах практиковали иногда командные игры, в которых естественно право не чтилось, и все заканчивалось ритуальными убийствами, например, у некоторых племен индейцев.

Палеозаконь примерно так же позволяют людям жить в рамках естественного права по определенным общим правилам, но есть и общества, в которых они не чтутся. Обычно они, рано или поздно, но уступают место более развитым обществам и народам, либо устраняют эти вредные «традиции».

Согласитесь, что было бы немного смешно, если баскетболисты стали бы судиться арбитрами по правилам хоккея, и наоборот (но для любителей таких зрелищ все же есть, например, слэмбол). По той же причине нельзя выработать единые для всего мира общие правила справедливого поведения. Они в любом случае будут иметь несколько разное наполнение, в зависимости от региона. В естественных условиях они и так конкурируют между собой, и, тем самым, влияют друг на друга. Дубай, будучи вотчиной арабских консерваторов – стал внезапно таким, достаточно либертарным местом на планете, чего всем этим, значительно более либеральным народам добиться не удалось. Почему не удалось?

Потому, что если все резко разрешить или запретить, то это означает просто изменение правил, через которые люди могут, например, терять собственность, деньги, права: нельзя было выгуливать собак на газоне возле дома, но вдруг резко разрешили, и рынок пришел сразу, бизнес зацвел. :) Такое новое правило едва ли даст какие-то преимущества, скорее – только грязно будет на улице.

Если разрешить силовые приемы в баскетболе, то не факт, что это добавит игре каких-то преимуществ, но, например, видеоповторы – все активнее используются, так как это очевидное конкурентное преимущество вида спорта, так как гарантирует более качественный арбитраж.

Точно так же нельзя заставить мусульман разрешить свободное распитие спиртных напитков на своих землях, если они сами этого не хотят. В Техасе нельзя требовать убрать «ружья повсюду», даже если вы – редкостный хлоплофоб.

Короче говоря, все лучшие законы соседних народов имеют свойство заимствоваться другими в результате конкуренции, но если на федеральном уровне их же «пропихивать», то это просто даст нам ситуацию монополии на принятие решения, которая создаст «взбесившийся принтер», что просто так множит законы, без всякой причины.

Большинство либертарианцев видит проблему этатизма в государстве, но они ошибаются, причина – в искусственной монополии, то есть – привилегии. Государство работает плохо потому, что его нельзя заменить другой юрисдикцией, а

не потому, что оно – государство, и «жрет» наши налоги. Аналогично, если мы создаем привилегии для одной частной фирмы, что только она будет нам поставлять автомобили, например, а остальным фирмам мы это запретим – рано или поздно, но они станут плохими и некачественными «тазами». С советских времен автолюбителей приучили, что автомобили – это всегда очень дорого и неэффективно, предмет роскоши. Сперва все дело было в «железном занавесе» и дорогих, неконкурентных на мировом рынке местных «ведрах» неэффективного социалистического госпроизводства, которые к тому же было не так просто приобрести. В 90-е пришли мировые автоконцерны, но их тут же обложили налогами и пошлинами. Понятное дело, что так просто лишиться привычной монополии на транспорт и сверхприбыли от этого государство не захотело, и до сих пор если и пускает мировые концерны, то с «драконовскими поборами» за каждую услугу (что в конечном итоге удорожает стоимость автомобилей примерно до цен на недвижимость). Тем более, что ему снова дали повод установить более прочный «железный занавес» для автопрома в связи с санкциями и прочим. Где есть искусственные барьеры государства между производителем и потребителем, там есть и способы их обхода, к одному из них, параллельному импорту, позволяющему снижать стоимость автомобилей за счет снижения таможенных расходов, снова пытаются подобраться. Федеральная таможенная служба стала массово рассылать владельцам требование

о доплате в казну сотен тысяч рублей. Понятное дело, что такие схемы могут демонополизировать сферу и лишить государство привычных ему монопольных сверхприбылей «из воздуха», потому не приходится удивляться тому, что внезапно появился очередной набор с автовладельцев на такие суммы, а неплательщикам грозит аннулирование регистрации в ГАИ – это все продолжение «советских традиций доения автолюбителей».

Искусственная монополия наиболее сильно «раздувается» именно через государство потому, что у людей есть свойство хотеть безопасности, именно это свойство создает повсюду «государства всеобщего благосостояния» со всеми их этатизмами.

Индивидуальность палеоправил нужна для того, чтобы создавать конкуренцию между народами. Так лучше видно, чьи законы обеспечивают лучшее развитие обществ, кто лучше способен обеспечить исполнение естественных прав людей: распоряжаться своим телом и собственностью.

В среде либертарианцев очень популярен дискурс на темы того, что только анархо-капитализм с полным уничтожением государства может дать людям свободу в принятии решений, остальные формы презрительно называют минархизмом, «минимальным социализмом». Но какая разница: государство или частная защитная организация будут предоставлять услуги на защиту? Как это назвать – уже не суть, главный вопрос – есть ли добровольные контракты с ним людей,

или услуги «впихивают» без них, насильно. Налоги, подтвержденные контрактом – не грабеж. Грабеж – то, что их берут без какого-либо добровольного соглашения с людьми, контракта.

«Анкап» или минархизм – вопрос выбора людей, тут главное – есть ли добровольность? Это вопрос из категории: заключать ли договор с данной сантехнической организацией, или какой-то другой, или, черт с ним, сами справимся. Если мы соглашаемся нанять сантехника, то это – минархизм, а если сами справимся – то «анкап». Люди собрались, решили, что им надо из этого. И почему-то думают, что если они хотят нанять, то это уже плохо, минимальный социализм или как-то так. В действительности же нам просто желательно иметь качественный арбитраж третьей стороны, чтобы контракт защитной организации и людей соблюдался, если есть намерение двух сторон его заключить. Если там будет какая-нибудь добровольная коммуна и налоги, коллективная собственность – это не является проблемой, пока в эти отношения не будут насильно вовлечены те, кто не хочет в них вовлекаться. Понятно, что это – «дичайше» неэффективный способ существования, но нельзя запретить людям «упарываться», если это – их приоритетный способ существования. Как и нельзя тем же амишам запретить воспрещать для своих сообществ электричество.

10. Юридические лица, персональная ответственность и бюрократия

Никто не задумывался на тему того, зачем нужны юридические лица? Ответ прост: чтобы платить налоги государству. Все эти фирмы были созданы только для того, чтобы государству было удобнее получать свои налоги в максимально возможном количестве, которые оно получает не через добровольный договор, а лоббирует через нужных ему политиков.

Что такое юридическое лицо? Это существо, не обладающее индивидуальной ответственностью. Можно взять деньги в долг, а потом обанкротить фирму. Можно разместить облигации на бирже, а потом предлагать покупателям реструктурировать долги на невыгодных условиях и они, скорее всего, на это пойдут, иначе не вернут вообще ничего, особенно если вложена была несущественная сумма, которая не стоит того, чтобы ради этого судиться.

Если в результате действий юрлица гибнут люди, то ответственность ложится на фирму, репутации которой наносится урон. Но он все равно несопоставим с тем уроном, который был бы нанесен, если бы ответственность, скажем, за катастрофу авиалайнера – ложилась не на какую-то там корпорацию, а персонально на физическое лицо, которое является его собственником. К тому же, можно очень легко уни-

чтожить одно юрлицо и создать новое, с «чистой» историей.

Древнеримские юристы не считали юридических лиц существующими особыми субъектами. Считалось, что носителями прав могут быть только люди.

Такого понятия, как «юридическое лицо» – в римском праве не существовало, в латинском языке даже не было специального термина для обозначения организации. Римские юристы признают только факт принадлежности прав различным организациям, но организации сравнивались с физическим лицом, при этом отдельно разъяснялось, что организация действует вместо конкретного человека (*personae vice*), заместо отдельных персон (*privatorum loco*).

Вопрос правосубъектности средневековых торговых корпораций создавал собой проблему, разрешение которой оказывалось затруднительным для юристов того времени, так как в римском праве, к которому они обычно обращались, идея юридического лица не получила сколько-нибудь значительного развития. Юридическое понятие корпорации впервые появилось у глоссаторов, которые исходя из выдвинутого римскими юристами положения о том, что всё принадлежащее корпорации не принадлежит её отдельным членам (*quod universitatis est, non est singulorum*), пришли к выводу о необходимости исключения из понятия корпорации всякого представления об индивидах, поскольку корпорация сама по себе есть нечто целое, самостоятельное и индивидуальное. То есть, они наделили тем самым правами собственно-

сти неодушевленное лицо. Есть разница, что ООО «Рога и копыта» заключает договор с вами или Иван Иванов, Петр Петров и Сидор Сидоров, именуемые в дальнейшем «организация такая-то» заключили договор о нижеследующем...? Она огромна: в первом случае вы имеете дело неизвестно с кем и с чем, во втором – с конкретным человеком, который заключил договор и выступает ответчиком за заключенный контракт.

Папа римский Иннокентий IV выдвинул идею о том, что корпорации являются «фиктивными лицами». Отвечая на вопрос о том, можно ли отлучить от церкви корпорацию, в своей речи на Лионском соборе в 1245 году Иннокентий IV выступил с заявлением, что всякое отлучение распространяется на душу и совесть, и поэтому нельзя отлучить от церкви корпорации, у которых нет ни души, ни совести, ни воли, ни сознания и которые являются лишь отвлечёнными понятиями (*nomen intellectuale*), правовыми наименованиями (*nomina sunt juris*), фиктивными лицами (*persona ficta*).

Суть в том, что сейчас юридические лица – это какая-то глупая бюрократическая необходимость. Это всегда куча отчетности, огромная бухгалтерия и много всего ненужного, что лишь проедает ресурсы владельца. К чему это приводит в конечном итоге? К тому, что все эти фирмы, став крупными концернами – стремятся тут же найти альянс с политиками, чтобы получать заказы от государства, то есть, существовать за счет искусственной монополии, привилегии. А

куда им деваться, если штат у фирмы большой (всех этих «просиживателей штанов»), аренда офисов недешевая, налоги грабительские, а конкуренция меньше тоже не становится? Есть, конечно, успешные корпорации, не существующие за счет государственных заказов, но они – только часть всего. Качество произведенных товаров же корпораций-юрлиц – отчего-то также часто не растет, а только падает. Почему их новые автомобили обладают дефектом дороговизны и неудобства обслуживания в автосервисах (вплоть до того, что в некоторых моделях, чтобы поменять лампочку «поворотника» – нужно разобрать полкабины)? Потому, что издержки слишком велики и их надо хоть как-то компенсировать. Конкуренция не работает на улучшение продукта потому, что все корпорации сперва озабочены тем, чтобы просто выйти в хоть какой-то «плюс» и не разориться «всеми правдами и неправдами». У одной фирмы плохая машина, но у другой-то – еще хуже и дороже в обслуживании.

Что было бы, если бы не было навязанной государством необходимости создавать юридическое лицо? Была бы индивидуальная ответственность человека за совершенные действия. Уже не было бы так, что некая фирма «Рога и копыта» размещает облигации, а потом не возвращает деньги. Было бы так: Иван Иванов взял деньги в долг и не хочет их возвращать. Вы чувствуете разницу? Ни у кого не возникает даже тени сомнения, что он – мошенник, несет персональную ответственность за свои действия. Возможно, что на сто лет

вперед никто не захочет иметь дел не только с ним, но и с его потомками. Как, скажем, в той же Шотландии в отдельных горных районах и сейчас никто не подаст руки представителю клана, фамилия которого начинается на «К» за все те дела, которые они совершали тысячу лет назад.

«Не следует множить сущее без необходимости», необходимости понятия юрлицо попросту не существует. Это лицо, которое ни за что не отвечает. При этом те, кто его создали, вынуждены содержать бухгалтерию, смысл которой далеко не всегда оправдан. Бухгалтер – это сейчас чаще даже шпион государства внутри фирмы. Должность, часто не дающая никакого «профита» владельцу, а только лишь возможность откупиться от государства с его больной бюрократической фантазией на тему бумажек и налогов (во всяком случае, их берут обычно именно для этого в таких количествах). Более того, я лично часто замечал, что бухгалтеры почти всегда требуют, чтобы вся фирма работала не столько на прибыль, сколько, чтобы у них не было проблем из-за бумажек с государством. Выглядит это обычно до смешного комично. Допустим, что есть некий лидер продаж Иван, который заключил массу договоров и принес фирме большие «барыши». И вот, именно его обычно «вызывает на ковер» бухгалтер и «материт» до тех пор, пока ему не удастся в Иване как-то отбить желание «создавать проблемы»: чтобы он или меньше сделок заключал, или вообще уволился из компании. Лично я наблюдал эту «картину» во многих фирмах, с которыми

имел какие-то дела. В конце концов, если нужны какие-то штатные сотрудники, то куда, как полезнее было бы, например, держать штатного юриста какого-то, который помогал бы решать недоразумения с партнерами, если бы они возникали. Бухгалтеры бывают полезны для каких-то расчетов, договорных отчетностей перед инвесторами и взгляда на состояние дел, когда это нужно владельцу, но не в таком количестве, как это есть сейчас, и далеко не всегда. Ресурсы владельца всегда ограничены и вполне вероятно, что он предпочтет, скажем, обновить свое оборудование или нанять бизнес-консультанта, нежели вести точный учет дел и содержать лишнее рабочее место бухгалтера на имеющиеся у него ресурсы. Это право предпринимателя и должность бухгалтера должна быть конкурентной другим должностям, а не навязываться государством извне для своих нужд контроля доходов.

Не будем забывать, что фирма бывает еще и государственной. То есть – это вообще «безответственность в квадрате». Мало того, что ответственность за ее действия несет некая бесплотная сущность, так у нее еще и нет конкретного владельца. Вы понимаете, куда это все клонит? Абстрактная сущность, которая плодит другие абстрактные сущности. А могло бы такое быть вообще, если бы такого понятия, как юридическое лицо – не существовало «в природе»? Нет, это было бы невозможно. Нет юрлица – нет и государственных предприятий, извечных проедателей госбюджетов

в подавляющем числе случаев (когда нет риска разориться и получить ущерб от неудачного решения – сложно говорить об успешности деятельности, она не проходит испытания на жизнеспособность рынком, капитал, вместо увеличения – просто проедается и снова подпитывается из бюджета за счет ограбления собственников налогами).

Если людям какого-то государства хочется платить налоги на какие-то общие надобности, то для этого нет причины плодить такие бюрократические сущности, как юридические лица. Есть такое понятие, как подушный налог, который платит честно каждый гражданин, независимо от того, сколько ему удастся зарабатывать. Этот принцип гораздо честнее, что государство не пытается совершить аморальный акт принудительного изъятия средств из чьего-то частного кармана в зависимости от его успешности. При этом необходимость создания юридического лица отпадает полностью, а с ним и необходимость содержать «тучу» клерков, отчетности перед государством за каждый свой шаг. Плюсами будет еще и возможность в любой момент времени «выйти из дела», разорвать контракты без последствий для себя (кроме указанных в договоре, скажем, с нанимаемыми людьми), сменить резко сферу деятельности. Налоговая служба вообще будет практически не нужна, на порядок снизится (если не полностью исчезнет) бюрократия, отпадет надобность в огромном количестве лицензий государства. Зачем? Все и так знают, что у Ивановых лучший сидр в городе, Петровы

его разбавляют, а на Сидоровых подают в суд за ущерб здоровью после их «пойла».

Сейчас физические лица, то есть обычные живые люди – практически не имеют права заниматься предпринимательской деятельностью только потому, что государству будет сложно отследить их успешность и «развести» на налоги. Только ради этого придуман весь этот ад с юридическими лицами и бюрократией всяческой отчетности. Что это, как ни делегирование части естественных прав людей неким мифическим сущностям? Если ты ее не создал собственноручно, то не имеешь права на себя тем самым в полном объеме...

Кто-то считает, что регистрация в качестве индивидуального предпринимателя снимает часть проблемы, но на это можно возразить, что далеко не каждый готов на это пойти. Мало того, что нужно что-то регистрировать, чтобы вернуть себе самому часть естественных предпринимательских прав, так вы еще и обязаны вести, например, журнал доходов и расходов, отчитываться перед налоговой инспекцией, платить множество платежей (независимо от наличия дохода). Есть ли смысл возвращать их себе в таком жутком виде?

Некоторые могут понять этот текст (и уже поняли, что меня немало удивило) так, что я якобы хочу запретить добровольные объединения людей, но это совсем не так. Никто не мешает создать какой-то бренд, объединение или предприятие. Я лишь предлагаю вернуть вспять время и сделать субъ-

ектами права только живых людей, вернув им тем самым сто процентов их предпринимательских прав. При этом, если была какая-то фирма ООО «Картошка» с владельцами Иваном и Петром, то она становится просто собственностью Ивана и Петра – предприятием «Картошка». Никто не мешает Ивану и Петру в договорах именовать себя этим названием, когда они будут заключать сделки от своего лица (Иван и Петр, именуемые в дальнейшем предприятие «Картошка», заключили договор с... о нижеследующем...).

Вообще же в целом корпорации – это прошлый век, ими сложно управлять качественно. Проще даже когда много более мелких фирм объединяется в группу: одна делает шины для машин, другая фары, третья собирает и так далее. И если где-то проблемы, то любой контракт легко порвать и найти другого поставщика детали, включить его в группу, но рынки еще пока не настолько конкурентные. Нет такого, чтобы любую деталь от автомобиля можно было сразу найти, только по отдельным запчастям. Многие «группы компаний» образуются именно таким образом, так как союз разных фирм (и разных собственников) более гибок, что ли. Например, в брокерском бизнесе вполне типично, когда одна фирма является депозитарием (учет ценных бумаг), вторая занимается управлением портфелями клиентов (ПИФы, доверительное управление), третья – банк (вывод и зачисление средств), четвертая осуществляет брокерское обслуживание (доступ на торги). Периодически состав групп меняется, так как кто-

то из фирм разоряется, кто-то находит более выгодное предложение по сотрудничеству, но группе целиком проще «держаться на плаву». В корпорации это все сложнее в том плане, что она или вся успешная, или в полном составе убыточна. Какой-то отдел может быть успешным, но не факт, что это спасет все предприятие целиком от банкротства. У группы компаний же шансы уцелеть будут выше, одна фирма-неудачник не испортит все дело, а будет заменена конкурентом. В книге «Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта» шведских профессоров экономики – эта мысль по моему мнению достаточно сильное обоснование имеет. Бизнес, если резко убрать этатистскую суть нынешнего времени – постепенно пойдет по пути упрощения, когда много мелких фирм делают одну уникальную деталь, и являются монополистами просто потому, что сложно сделать более эффективное производство ее, потому, что там особо нечего планировать и высчитывать (та же проблема, что и при государственном контроле чего-либо, который сложно осуществлять из центра, но в более мелком масштабе). Проще управлять мухой, а не слоном.

Если развить эту тему, то взгляд на государство, как на субъект права – тоже вызывает все те же вопросы. От лица какого «я» принимаются решения на государственном уровне? Гораздо логичней объявить его как организацию, просто собственностью людей, на территориях которых существует данное образование. То есть, если одно государство под-

писывает договор с другим, то он юридически означает наличие собственников земель, которые хотят заключить контракт с собственниками других территорий. Понятно, что при таком подходе государства будут находиться в состоянии динамичных изменений границ и дробления, как и в случае с бизнесом. Ведь при каждом новом заключении контрактов могут появляться собственники, несогласные с тем или иным решением, и желающие выйти из договора с другими собственниками.

В данной главе я пытаюсь, в первую очередь, объяснить главную проблематику нынешнего времени: естественные права, которые в идеале должны принадлежать людям и только людям (физическим лицам) – по факту частично принадлежат различным странным сущностям: государствам, юридическим лицам, а сами люди их же, в той или иной степени, но лишены. Очевидно, что такое положение вещей едва ли можно считать нормальным.

Я понимаю, что палеолибертарианский подход достаточно жестко стоит на стороне защиты естественных институтов, но не будем забывать, что палеолибертарианцы тем и отличаются от традиционалистов, что через них пытаются прийти к системе добровольных контрактов – либертарианству, а не просто хотят держаться за отжившие свое формы «двумя руками и ногами». Скажем, было бы странным требовать от людей запрета ношения коротких одежд только потому, что сто лет назад это было принято. В результате взаимной кри-

тики различных палеообществ эта норма преимущественно ушла в прошлое, но не везде, скажем, в мусульманских странах это все еще много, где актуально. Вполне логично, что на жаре хочется носить шорты, например, и это получило свое выражение в уходе от какой-то традиции из разряда обязательности ношения длинных одежд.

11. Либертарианство, ценности и естественное право

Многие думают, что либертарианство – это такая либеральная в современном значении слова система, где все типа можно, ни за что не надо отвечать, ха-ха. Но это всего лишь система прав с естественным правом как центральным звеном, а не того, как нужно поступать в той или иной ситуации человеку, это не система ценностей. Она подразумевает, как правило, право свободного ношения оружия и много других таких «ништяков». В Техасе, например, вас могут пристрелить просто за какой-то недоброжелательный поступок. Например, если вы займете чужое парковочное место на стоянке, въехав на него в последний момент «перед самым носом» того, кто собирался его занять и стоял ждал, пока оно освободится (что есть однозначно хамский поступок). То есть, как бы за все приходится отвечать – смысл в этом. Да, человеку придется за это сесть в тюрьму, но есть некоторые моральные принципы, которые, возможно, что важнее, чем система прав. У всех разные ценности, в рамках которых находится и либертарианская система прав. И потому люди, которые поступают подобным хамским образом – сильно рискуют «словить пулю». Может быть, в какой-то раз им повезет, но удача не вечна, особенно под техасским небом. Либертарианство всего лишь предоставляет справедливую цену каж-

дому поступку, и когда за хамство могут пристрелить – его цена увеличивается в разы и становится невыгодным.

Пример того, почему система прав не означает защищенность прав собственности того, кто провоцирует конфликт: Зинедин Зидан предпочел ударить головой футболиста, который сказал ему очевидное оскорбление во время финального матча чемпионата мира 2006-го года по футболу. За это он был удален, но это был его осознанный выбор, ценность удаления оказалась ниже ценности того, чтобы бегать на одном футбольном поле с человеком, который сыплет оскорблениями. И каждый либертарианец – он всего лишь разделяет эту систему прав, а вовсе не то, что он оставит без внимания то, что кто-то целенаправленно делает ему какие-то гадости, так как он, дескать, не нарушает его прав собственности.

Gun-free zone всего лишь создает зону безответственности, где «можно все» и это порождает новые проблемы. Откуда берутся все эти туристы в самолетах, закатывающие истерики? Ну, так там же запрещено оружие – значит, можно позволить себе намного больше. Чему удивляться? Я не хочу сказать этим, что именно в самолетах, в первую очередь, надо срочно разрешить всем возить с собой оружие – это личное дело авиакомпаний, какие правила нужно поддерживать на своей собственности, но суть – вы поняли.

Вообще, в этом смысле – «честные стрелки» оказывают неоценимую услугу обществу, когда совершают именно

справедливое возмездие за какой-то однозначно несправедливый поступок, нарушающий права собственности подобным образом (если это действительно так, а не просто у кого-то «крыша съехала»). Ведь они как бы создают страх нарушения чужих прав собственности, неэтичности совершаемых поступков с позиции естественных прав граждан. Америка помнит Марвина Джона Химейера как героя, который не позволил государству, находящемуся в сговоре с местной корпорацией – забрать свою частную собственность, мастерскую – и разнес строения агрессора на специально оборудованном бульдозере.

Если чиновник однозначно украл чью-то частную собственность «посредством авторучки», когда кто-то берет в долг деньги и не возвращает – за это все можно легко «словить пулю», и это все увеличивает надежность совершаемых сделок, зачастую заключенных только на словах, это все нередко не нуждается в визировании, но только если это – не Gun-free zone. Да, в либертарианской системе «все по-взрослому» и за каждое неверное действие может наступить «внезапная расплата». Элементы этого прослеживаются в американской культуре, впитавшей в себя нормативы «истинной свободы» первых переселенцев, хоть сейчас и в этом смысле не все так здорово с правами собственности, но на общемировом фоне – скорее всего все еще лучше, чем где-то еще. Не обязательно всегда все так «жестко» – недоброжелательных людей в либертарианских обществах проще бойкотиро-

вать в большую часть времени, отказываясь от всех возможных переговоров о возможном сотрудничестве с ними, что будет их конкурентным недостатком, так как они лишаются всех прелестей координации граждан. В стопроцентно либертарианской системе такому человеку, скорее всего, даже будет сложно совершить покупку в супермаркете небольшого городка. Ведь, скорее всего, не будет правил, заставляющих продавца продавать товар всем покупателям. Как в казино, может быть некоторый фейс-контроль от шулеров или нежелательных посетителей.

Короче говоря, смысл главы в следующем – когда речь идет о либертарианцах – гораздо точнее суть явления передает кто-то типа реднека Дикого Запада, чем думать, что это такой «качатель прав», который вас не тронет, пока вы не нарушите его права собственности, даже если вы однозначно проявляете какую-то враждебность. Сами подумайте, если вора можно пристрелить у себя дома, например, и это считается справедливым – понятно, что возможности самозащиты расширяются многократно. Где-то можно и «палку перегнуть», как, например, случайно недавно застрелили какую-то реп-знаменитость, что на нетрезвую голову случайно перепутала свой дом с соседним. Это просто как бы увеличивает цену противоправных действий и ответственность поведения, а не то, что их вовсе не будет. Да и в рамках естественных прав есть много всего, что можно сделать без однозначного нарушения прав собственности: например, пулю

можно пустить не в человека, а в сантиметре над его головой, не говоря уже про то, что многое еще нужно уметь доказать в суде. И если некоторый противоправный момент доказать сложно, то вполне возможно, что это также может использоваться.

Вообще, я бы сказал, что проблема наших людей в том, что они забывают про такое понятие, как осторожность. Они думают, что наличие системы каких-то прав уже как бы автоматом означает их защищенность от чего бы то ни было. Но это абсолютно не так, именно поэтому хамство может быть небезопасно. Простой пример: одна женщина шла по лесу с ребенком и какой-то мигрант попросил ее показать его. Она послала его матом, тот обиделся и убил их обоих. Ничто не предвещало трагедии, но женщина полагала, что наличие прав автоматом делает ее неуязвимой, но она была не в суде, а одна посреди леса, безоружная. То есть, система прав не отменяет систему ценностей человека, она только дает цену за каждое действие. Нарушил чужие права собственности – за это полагается ответственное нарушение прав собственности агрессора, но это не означает автоматом защищенность человека во всех жизненных ситуациях, что, проходя мимо дома, например, ему случайно на голову не упадет кирпич, что на него не нападет дикая собака или грабитель не будет его поджидать в темном переулке. Либертарианцы просто дают наиболее логичную систему прав, в основе которой лежат права собственности на свое тело и вещи,

которых люди являются первыми владельцами, получили их по добровольным договорам. Подобная справедливая система прав не означает, скажем, что вам безнаказанно можно назвать чью-то мать проституткой. В рамках палеоправил, скорее всего, это тоже будет приниматься в расчет и иметь санкции, то есть, сложившихся естественным путем правил справедливого поведения (несогласным же придется менять юрисдикцию для своих земель и отделяться). Но даже при их отсутствии вам еще нужно доказать в суде, скажем, что «кулак прилетел вам в голову» именно от этого человека, а свидетелей этого может и не оказаться. Иными словами, свободное либертарианское общество ближе всего, пожалуй, чему-то типа штата Техас до прихода большого государства в XX-м веке.

12. Государство, искусственные привилегии и естественное право

Что такое государство? Это просто искусственные привилегии на базе защитных услуг, вне договорного общества. Проблему стоит рассматривать именно в этой связи – необходимо в максимальном количестве вернуться к договорному принципу. Любой, кто пытается через государство получить искусственные привилегии – просто участвует в институциональной агрессии против договорного общества: не важно, идет ли речь о бизнесе, который хочет получить защиту от конкуренции через протекционизм и госзаказы, или религии, которая рассчитывает на финансирование из госбюджета, а, может, о высокопоставленном чиновнике, который имеет большую зарплату за перекладывание бумажек с одного места на другое (как пошутил Михаил Жванецкий: «Позицию нашего чиновника я бы определил так: без меня вам нельзя, а со мной у вас ничего не получится!»). К вопросу нужно подходить с позиции прав частной собственности, тогда любая проблематика становится видна невооруженным взглядом.

Наша жизнь внутри государства окружена вещами, которые нам кажутся правильными: ПДД придумывает чиновник, министерство образования разрабатывает план обучение детей в школах, водоканал обеспечивает жителей водой.

Проблема в том, что мы понятия не имеем об эффективности каждой предлагаемой услуги. Когда вы сами делаете выбор: купить в магазине один сыр или другой – вы контролируете необходимые свойства интересующих вас продуктов, а другие свойства оставляете без внимания. Когда вам идет по трубам ржавая водичка – вы не можете выбрать другую, государство целенаправленно лишает вас выбора воды от другого поставщика. В некоторых постсоветских странах же, после почти века правления коммунистов, довольно массово сбилось банальное естественно-правовое понимание в данном вопросе о том, что «кто платит деньги, тот и заказывает музыку». В результате возникают довольно забавные ситуации. Так в Бресте, где жильцы платят за монопольные платежи ЖКХ – уборку, ремонты, и тому подобное, внезапно их же еще и стали приглашать из жилконторы «за свои же кровные» приходиться помогать решать служащим все эти проблемы те, кто именно за это все получает жалованье. Ну, то есть пытаются «обуть» клиентов два раза: когда вручают монопольный платеж на оплату, от которого нельзя отказаться, и выбрать другого поставщика тех, или иных услуг, и когда просят придти поработать бесплатно на самого себя, отработывая за того специалиста, который должен был этим делом заниматься, и получает за это взятые с жильцов деньги. Более того, составителей «приглашения» очень огорчило то, что никто из жильцов так и не пришел бесплатно поработать за свои же заплаченные деньги на объявленные «субботни-

ки». Под последними же те имели ввиду даже не какой-то примитивный физический труд из разряда расчистки дворовой территории, а просто посильную помощь жилконторе в решении насущных проблем, которыми занимаются ее самые разные специалисты. Ну, то есть, это была хитрость, которая вышла на запредельно высокий уровень попытки «лохотрона» простых жителей многоквартирного дома.

Когда государство ужесточает законы о безопасности на дорогах – абсолютно не известно, какова будет эффективность этих мер. Простой пример: сделали подсветку пешеходных переходов, в результате стали больше давить там, где переходы оставались без подсветки. Водители вообще переставали реагировать на знаки, если их не подсвечивали, могли себе позволить сильнее разогнаться, а ведь есть еще куча других немаловажных знаков вроде ограничения скорости. Вполне возможно, что, например, именно неподсвеченная «зебра» вынуждала водителей снижать скорость, а когда она стала подсвеченной, то исчезла и осторожность в плане соблюдения скоростного режима. Я просто привел пример того, что не все так однозначно, как оно кажется на первый взгляд. Эффективность осуществления деятельности может появляться только тогда, когда есть собственник или группа собственников, которые заключили договора. Частная дорога в случае неуспешности существующих правил будет объезжаться стороной и нести финансовые издержки. Мы не знаем, какие именно правила будут самыми лучшими, мож-

но сказать только то, что выбор останется за потребителем, в этой связи отпадет множество нынешних идиотских регламентаций. Скорее всего, правила там не будут особо обременительными, иначе не совсем понятно, чем они смогут привлечь клиентуру. При этом сам поставщик услуг постарается сделать реально качественный и безопасный продукт, любой бизнес стремится к этому всеми силами. Даже бренд – уже конкурентное преимущество, которое позволяет продавать товар или услуги гораздо дороже, это не так просто, а результат большой работы. Вы же не сомневаетесь в том, что компьютер от известной марки будет хорошим и качественным, или что сыр определенного бренда внезапно окажется плохим, а почему-то когда речь о такой банальной вещи, как дорога – то сразу какие-то сомнения, и вопросы появляются, как будто это не тот же самый продукт, выдаваемый бизнесом, как этот самый сыр, или компьютер.

Так вот, когда вне рамок договорного общества государство что-либо пытается навязать – оно просто усугубляет проблему. Мораль, идущая от частной религии – это всегда конкурирующий продукт, представляющий ценности каких-то людей, готовых спонсировать именно такой образ жизни. Финансируемый из государственного источника религиозный институт – это уже просто тот же самый инструмент институциональной агрессии. В этом смысле те же самые частные сектанты вроде кришнаитов или адвентистов – гораздо более безобидные ребята, честно зарабатывающие

себе на хлеб, чем получающие из бюджета «бабло» и преференции официальные религии, свою состоятельность они как раз должны демонстрировать в умении существовать без бюджетной подпитки. Только тогда мы увидим священников, которые совершают хорошие дела. Этого не будет, пока их деятельность не зависит, например, от наших пожертвований. Не важно, о какой именно религии идет речь, суть в том, что независимый от государства институт будет стремиться представить качественный продукт, иначе он просто будет обречен на гибель. Вот в этом главный смысл и именно поэтому религиозные институты (независимо от того, речь ли идет о буддизме, христианстве, мусульманстве или еще чем-то) должны быть самоокупаемыми, пока этого не происходит – нет и хороших священников. Они не обязаны свою работу выполнять качественно, как и любой другой чиновник – просто отрабатывают вложенные государством деньги и «гнут» основную линию партии, не являются представителями независимого института.

В чем проблема этатизма в России? Здесь слишком часто меняются «правила игры», речь даже не идет о том, что общество должно быть договорное. Даже в этом самом не особо договорном формате нет каких-то возможностей у людей хоть как-то честно «состояться»: как только это происходит, то тут же меняются «правила игры» и вчерашний чемпион объявляется девиантной персоной, чье поведение разрушает общественную мораль. Казалось бы, создал человек фер-

му, производит товары и продает их, имеет свой доход какой-то. Как вдруг 1917-й год – и резко он «кулак» и «буржуй», обворовывающий народ. Этатистское общество обладает способностью в любой момент создать ситуацию, когда любое успешное действие кого-либо превращается в антиморальное событие. Ощущение, что его главная цель – это как раз не дать состояться кому-либо иначе, чем с великодушного позволения государства. Только в 90-е появилась возможность открыть ларек и продавать пирожки на улице, как тут же выходит постановление муниципальных властей снести их, как «уродующих лицо города» под «улюлюканье» горожан, считающих, что это правильно, так как они – «только грязь разводят». Тогда же, в действительности, к нам пришел рынок в его более-менее свободном проявлении и постепенно сделал качественные товары, услуги доступными для «простых смертных». Это было в период, когда еще совсем недавно приходилось стоять в очередях в булочные и отоваривать талоны на все, на что только можно. Это был такой повсеместный раж, когда можно было смотреть фильмы про Ван Дамма на «видаке» в ближайшем клубе, покупать игры для компьютера и меняться ими. В киосках можно было купить все: от любой «жрачки» – до сложных технических товаров типа плееров, радиотелефонов. Очень много было повсеместных спонтанных базаров, барахолки, «блошинных рынков», на которых можно было найти много «всякой всячины». В 80-е большой удачей было иметь «Запорожец», в

90-е появились «человеческие» марки автомобилей и их стало реально купить. «Денди», «Спектрумы», IBM – это все выводило рынки на качественно новый уровень в технологическом сегменте. Пришли компьютерные клубы, Интернет, сотовые телефоны, пейджеры. Все это так и могло остаться «заморскими игрушками», если бы не свобода в рыночном сегменте, когда любой мог более-менее свободно что-то произвести, продать или купить. К сожалению, век торгового изобилия был очень недолгим, и чиновники вытеснили торговцев с улиц. Конечно, глобально рынок никуда не делся после этого, но оброс множеством поборов и регламентаций, удорожающих все эти товары для населения.

Кто вообще чего-то достигал у нас иначе, чем с одобрения государства? Павел Дуров создал популярнейшую социальную сеть, как тут же его сильно «попросили» продать ее. Суть проблематики всегда такова: когда некто созидает что-либо – у него одни правила игры. Как только у него «получилось» – внезапно меняется вообще все вокруг и созданное конкурентное преимущество внезапно становится страшнейшим преступлением против общества, и государства, его действия становятся ужасным аморальным актом. В более древние времена все было еще драматичней: Мангазея был процветающим сибирским городом с развитой торговлей в 1600-х годах, но появилась опасность того, что он может стать независимым или что иностранцы могут его захватить, как тут же последовал приказ царя 1620-го года Миха-

ила Романова о запрете прохода к городу морским путем из-за опасения, что город может выйти из-под контроля Московии. После этого город пришел в упадок и в 1642-м году просто сгорел в пожаре.

Вообще, обратите внимание, что с точки зрения естественных прав сейчас поставщики услуг в сфере морали занимаются все больше разрушением, а не созиданием. Кто раздает мороженое, шарики, «вкусняшки», книжки? Это делают частные фирмы на презентациях (однажды даже спаму одна фирма придумала, как заставить людей радоваться: нам всем приходит куча ненужной корреспонденции в почтовые ящики, но она в письмо с рекламой положила обычный простой карандаш и лично я, например, с удовольствием за это прочитал их рекламу в конверте), а защищающие якобы общественную мораль деятели занимаются исключительно борьбой с всяческим инакомыслием и вредительством. Деятели «Стопхама» клеют наклейки на чужие машины, так как они где-то отступили от правил парковки, например. Представитель одной православной организации мне заявил, что они занимаются исключительно положительными и хорошими акциями, я за них очень порадовался, на следующий день я узнаю, что их адепт облил известного музыканта водой прямо на улице. В Петербурге на рельсы упала девушка в метро во время остановки поезда, много людей это видело, и никто даже не попытался остановить поезд, она погибла, так как они позволили ему тронуться с платформы. Зато ку-

чу «лойсов» собирают возмущенные посты о какой-то ерунде, что как смеют люди, например, носить шлепки с носками летом, или танцевать лезгинку там, при том, что они никому не мешают, просто в сторонке стоят, и пляшут себе. Кто спасает животных, лечит и кормит неимущих? Частная инициатива каких-то людей, но почему-то это не считается чем-то особо моральным, зато вот сжигание макета католического храма – это воспринимается чем-то созидательным, или когда священник призывает к войне. У нас блюстители морали – это те, кто ничего созидательного не делают, а только разрушают. С точки зрения естественных прав очевидно, что моральный человек – тот, кто созидает. Если кто-то мешает координироваться людям, то он просто не имеет никаких оснований считать себя моральным. Некий предприниматель раздавал бесплатно хлеб неимущим, так его не только не объявили моральным, хоть каким-то, но героем, но еще и начали обвинять в том, что он обязан приносить этот самый хлеб людям на дом. В Екатеринбурге Роспотребнадзор оштрафовал супермаркет, который бесплатно раздавал просроченную еду, и это – хороший пример «заботы» государства о людях, его моральности. Есть предприниматель, готовый отдавать бесплатно просроченную продукцию, есть люди, которые очень хотели бы ее взять, чтобы перекусить. С точки зрения естественных прав очевидно, что никто не должен стоять на пути у этих двух сторон для заключения контракта – безвозмездной передачи това-

ров, что можно считать и благотворительностью. Тем не менее, Роспотребнадзор не только запрещает этот контракт, он еще и штрафует предпринимателя, который хотел проявить этот «жест доброй воли». Чем больше государство решает за нас с вами, что вам – хорошо, а что – плохо, тем меньше шансов у такого общества на экономическое процветание. Государство лишь ограничивает своими действиями предпринимательство, что негативно сказывается на благосостоянии граждан. Даже когда оно пытается якобы помочь навести порядок, то чаще лишь создает новые проблемы. Так, Федеральная антимонопольная служба в 2021-м году готовит законопроект, регулирующий цены на продукты: ведомство хочет предложить ограничивать наценку торговых сетей, рассказывает источник Forbes, знакомый с деталями. Встреча ФАС с представителями торговых сетей, где обсуждались шаги по корректировке торговых наценок, прошла в пятницу, 13 августа. В этот же день представитель ведомства сообщил о внеплановых выездных проверках в торговых сетях «Пятерочка», «Перекресток», «Карусель», «Лента» и «Магнит». В ФАС указывали, что целью проверок является «недопущение необоснованного повышения стоимости социально значимых продовольственных товаров», причиной которого может быть сговор. Несмотря на подготовку законопроекта, сетям предложено пока скорректировать наценки на добровольной основе. «Регулирование ценообразования – это пагубная история для торговли в целом, посколь-

ку когда ты фиксируешь минимальные наценки на какую-либо продукцию, то ее нужно компенсировать в чем-то другом. Кроме того, это мешает договоренностям ретейлеров с поставщиками», – негодует источник Forbes в крупном ретейлере. Двоечники по экономике не понимают, что фирмы просто перестанут продавать товары, которые не приносят прибыли, а будут продавать те, которые эту самую прибыль приносят. Так называемые социально значимые товары просто будут исчезать из оборота, так как ими будет невыгодно торговать. ФАС ничего кроме проблем принести не может, с монополиями бороться регулированием цен невозможно, она может только не мешать выходить на рынок новым игрокам, которые за счет роста конкуренции будут снижать цены на товары. Чем больше ФАС будет регулировать что-либо, тем сложнее и дороже будут обходиться товары для покупателей. Хотите дешевые и качественные товары – не мешайте бизнесу торговать так, как выгодно ему. Мизес по этому поводу заметил, что вообще «все, что люди делают в рыночной экономике, является осуществлением их собственных планов. Планировщик – это потенциальный диктатор, который хочет лишить всех остальных людей возможности планировать и действовать в соответствии с их собственными планами. Он стремится только к одному: к исключительно-абсолютному превосходству своего собственного плана. В основе всей этой фанатичной пропаганды планирования и социализма часто нет ничего, кроме внутреннего осозна-

ния своей неполноценности и никчемности. Человек, который знает, что не способен выдержать конкуренцию, издается над „этой безумной системой конкуренции“. Кто не способен служить своим согражданам, тот хочет ими руководить».

Плачевное состояние дел в сфере морали происходит потому, что она спускается со стороны государства и его институтов. Главными героями нации становятся массовые убийцы типа Сталина, Ивана Грозного, ну или всякие пакостники типа Павлика Морозова. Вопрос только, кому стало лучше от их деятельности? Можно назвать только тех, кому стало плохо или очень плохо. С точки зрения естественных прав – это просто безумие какое-то: убивают тысячи и даже миллионы невинных людей, а убийц почему-то считают героями. Президент США Герберт Гувер спас тысячи жизней в СССР от голодной смерти, инициировал множество программ помощи – и даже никому не пришло в голову ему памятник поставить здесь, этого просто не помнят. Ощущение, что никто не хочет оценивать реальные действия людей. Просто людям надо, чтобы у кого-то прямо на лбу было написано «буржуй», например, или «патриот», что реально сделал один и другой – никого вообще не волнует. «Матрица» этатистского государства такой опции, как возможность думать – людьми не предусматривает, она может только разрешать им генерировать какие-то эмоции. Героев и подонков государство просто назначает по собственному усмотрению,

делая это так, как ему выгодно. Факт реальной созидательной или разрушительной деятельности здесь не играет никакой роли. Единственное, что имеет значение – отжатое у налогоплательщиков «бабло», которое выделяется только тем, кто соглашается поддержать выгодную государству трактовку событий. Независимо от сферы деятельности того, кто получает эти деньги из бюджета – он превращается в чиновника, ему нет никакого смысла оставаться качественным поставщиком услуг для людей. Главная цель такого человека – выполнять заказ государства, именно это определяет его успешность, а не то, насколько качественный для потребителя продукт он сможет представить. Все эти чиновники же, на словах ориентированные на коммунизм, никогда в жизни не пустят на свои дачи какого-нибудь бомжа в свое отсутствие, хотя именно это им следовало бы делать, если они разделяют все эти марксистские идеалы «каждому по потребностям». При этом они очень любят преподносить себя идейными и последовательными адептами своего учения, но по сути свою частную собственность категорически не хотят кому-то позволять эксплуатировать в те моменты, когда они ее не используют. О какой моральности тут вообще можно говорить?

Институты образования – ничем не лучше. После одиннадцати лет обучения в школах – оттуда выходят люди, которые ничего не умеют с практической точки зрения. Нет, у них, конечно, есть какие-то знания, но не совсем понятно,

зачем они им нужны, это какое угодно, только не практическое знание. Даже курса формальной логики, который учит людей мыслить грамотно – там не преподают, хотя до революции этот предмет преподавался в гимназиях. При этом дети сразу попадают, чаще всего, в психологически некомфортную обстановку. Скорее уместнее это сравнить с облегченным вариантом тюрьмы, на выходе в любом случае социализация создает из индивидуальности что-то такое стадное, это просто обучение ради обучения. Иностраный язык те же независимые курсы преподают по совершенно другой методике – например, учат воспринимать речь на слух. Уроки программирования – никакому реальному программированию они не учат. Уроки труда – кому нужны все эти детские поделки? Лучше бы учили ровно плитку класть, например, или клеить обои. Проблема в том, что у учителя не так много пространства для творчества, ему просто надо фанатично выполнять требования министерства образования. Все его «ноу-хау» никто не оценит, если только работать репетитором и получать за свою работу соответствующую своей репутации плату. Приватизацию школы с делением актива на число обслуживающего ее персонала по модели Мюррея Ротбарда, конечно же, никто не считает выходом из ситуации, хотя в качестве собственника тот же учитель мог бы уже и сам разрабатывать свой предмет как индивидуальный продукт, за счет чего она привлекала бы больше потребителей этих услуг в виде заинтересованных родителей потен-

циальных учеников. Все равно со всех нас снимают налоги на все это, да еще и сами школы неофициально требуют много денег с родителей (те, кто рискуют отказать – могут создать массу проблем своим «отпрыскам»), то есть, никакие это не бесплатные услуги, а только видимость. Образование должно давать человеку, в первую очередь, такую «маленькую лопатку для копания бабосиков», которая не позволит ему погибнуть в самых сложных жизненных ситуациях в будущем. Чтобы он всегда мог заработать на жизнь, лечение, экономическое благополучие, содержание потомков. Посмотрите на людей кругом, насколько рано они гибнут и как тяжело им дается выживание, как сложно осваивают профессию, как стремятся «сесть на шею» друг другу, как они не умеют накопить на самые элементарные и необходимые в быту вещи. Если образование этой самой «лопатки» дать не может, то это – очень странная деятельность ритуального характера или хобби, и не совсем понятно, зачем оно вообще нужно человеку, если оно не увеличивает его успешность с точки зрения выживания в социальной среде. Даже институт частной школы сейчас зажат в очень жесткие рамки регуляций, которые оставляют очень мало пространства для собственно деятельности, которая и делает ее частной. Просто есть некая навязанная обязанность для детей получить минимальный набор образования в очень жестких рамках конкретных предметов, и есть ряд частных, которые постараются смягчить это бремя (лучшее питание, комфорт,

более свободная форма проведения уроков), сделать их более полезными для учеников с практической точки зрения (теоретически можно изучать и квантовую физику, но она нужна далеко не всем для последующей деятельности). Попутно все же предлагается набор факультативов, в которых можно выразить собственно то, что может заинтересовать для обучения и привлечь клиентуру именно в эту школу. В случае полностью частной школы, независимой от госрегуляций – все предметы были бы факультативными, или же были бы обусловлены выбором владельца данного учреждения, независимого предпринимателя этой сферы человеческой деятельности. Ну и понятно, что никакой обязанности учиться не было бы вовсе, выбор учиться или нет – был бы полностью добровольным (со стороны родителей или опекунов, либо же со стороны достигших совершеннолетия учеников). За все же, что происходит в государственной школе, несет ответственность государство, во всяком случае – ее директор, но она почему-то часто в сознании людей перекладывается на других. Так дочка одной женщины девять лет училась в госшколе, где чуть ли не легально торговали наркотиками, от которых и погибла. Она написала письмо музыканту, в котором обвинила его в том, что под воздействием его песен дочка подседала на препараты и погибла. Родители знали о ситуации в школе, и почему-то у них вызвало удивление, что она на них подседала. Какие «предметы» – такие и выпускники. Почему-то опекуны после этого не стали кри-

тиковать директора, принуждение к обучению в такого вот рода «школах» (не везде можно выбрать те, где чего-то подобного не происходит), «крышевателей» в полиции, но стали обвинять обычного глупого музыканта, который ко всему этому не имеет отношения, и просто поет про всякую ерунду типа потребления наркотиков. Почему-то обычно принято говорить, что у нас – лучшее в мире образование, и абсолютно не связывать его с такого рода событиями. Когда же происходит что-то подобное, то виноваты плохие музыканты, реклама разгульного образа жизни на телевидении, но только не директора госшкол, в которых происходят подобные явления. Учителей в таких заведениях тоже все чаще стали нагружать абсолютно посторонними к образованию делами. В Подмосковье им приходится лайкать посты чиновников и отчитываться за это. С 1-го декабря 2022-го года вступил в силу закон, по которому госорганы обязаны вести официальные страницы в соцсетях. После этого в Мытищах педагогам пришлось распоряжение ставить лайки на посты главы городского округа. Директор местной школы №6 прислала подчиненным сообщение, в нем говорится, что нужно «в течение часа зайти на канал главы и поставить лайки под каждым постом». После выполнения поручения нужно отчитаться о проделанном. Также учителям сказали подписаться на канал чиновницы и ставить реакции под постами ежедневно, потому что «для нее это важно». Все чаще школу стали превращать вообще в надзорный за родителями орган. Жительни-

цу Кировской области Лилиану Колосову ограничили в родительских правах после того, как она пожаловалась в прокуратуру на незаконные поборы в школе, и органы опеки забрали одного из сыновей у матери-одиночки. Произошло это через некоторое время после якобы поступившего сигнала из школы, к женщине пришли из полиции органы опеки. Они забрали младшего сына, сообщив, что у ребенка, дескать, нашли на теле следы побоев. Сейчас ребенок живет у опекуна – дальней родственницы. Все государственные институты РФ слились в одну структуру, чтобы осваивать налоги и диктовать всем свои условия, мы давно об этом пишем. Себе – «бабки» и вседозволенность, чужим – патриотизм, и подчинение воле чиновника. Обычная школа – это место, через которое могут быть отобраны дети просто потому, что кому-то что-то не понравилось, и это не первый случай. Любой госинститут представляет в этом смысле потенциальную опасность в нынешнем виде, и этот пример подтверждает, что непосредственно созданные для оказания услуг населению – едва ли чем-то сильно лучше. «Чинуши» просто подделывают справочки и творят, что им вздумается. Население разоружено с 1917-го года, а потому представляет собой для чиновников «подневольный скот», не способный за себя постоять в подобных ситуациях нарушения естественных прав, они его «режут», как им только заблагорассудится, не боясь быть застреленными теми же родителями из чувства восстановления справедливости, например. Да и психика со-

временного гражданина, судя по всему, чаще всего не позволяет ему вести подобные противостояния должным образом даже тогда, когда отбираются собственные дети. Чиновники все больше пытаются сделать профессию учителя – профессией контролирующей. Так в регионе Москвы учителям предписывается писать справки в органы опеки по поводу любых происшествий с учениками. Понятно, что это открывает широкие возможности для взяточничества из разряда: не скинешься на конфеты к празднику – придумаем жалобу. А уж сами чиновники могут просто собирать все эти справки и потом терроризировать ими родителей по всякой ерунде, например, чтобы заработать на бутылку водки, как это обычно делали сотрудники военкоматов. 28-го марта 2018 года глава образовательного ведомства столицы выпустил приказ, коим обязал директоров подведомственных школ не позднее одного рабочего дня информировать департамент обо всех происшествиях со школьниками. Данное ноу-хау чиновников открывает широкие возможности для интерпретации в крайне негативном ключе любых действий родителей.

Возможно, что люди не догадываются, в чем отличие жизни в государстве и вне него. Отличие заключается в том, что в государстве на все надо спрашивать разрешение. Действия можно совершать только те, которые мы знаем, что государство нам разрешило. Если мы не знаем, как государство отреагировало на какое-либо действие – то по умолчанию делать этого нельзя, так как за это, очень вероятно, что «по-

садят», оштрафуют и так далее. Например, сделал подъездную дорогу к своему дому – государство может за это оштрафовать и заставить ее снести. Так в деревне Субботина (Тюменская область) власти снесли дорогу, которую люди самостоятельно и за собственные деньги проложили к домам для собственного удобства, и ведения хозяйств, заплатив за это сто тысяч рублей. После чего просто приехал грейдер и снес созданное полотно. Если создал своими руками автомобиль – нужно его всячески сертифицировать и регламентировать, чтобы можно было на нем ездить, что очень «бэблзатратно» и отнимает кучу времени. Гораздо проще купить готовую марку импортного производства. Все, что вы делаете – легко может быть использовано против вас. Жизнь вне государства отличается тем, что в ней разрешения на что-либо спрашивать не нужно – по умолчанию все можно. Другое дело, что за что-то вам могут предъявить претензии, если вы нарушили какое-то частное соглашение или затронули чужие права собственности, но пока этого не произошло – нет никаких проблем, чтобы что-либо сделать. Например: купил землю и строишь там, чего твоя душа пожелает, никому ни в чем не отчитываясь. Сегодня там будет дом, завтра казино, послезавтра огород, через год автостоянка, через два года аэродром, через три пивбар и тому подобное. И уж, конечно же, никому не придет в голову запрещать держать в этом доме ружье или самогон, продавать какой-то товар, или услуги из-за каких-то надуманных запретов (естественно, если это

не затрагивает чужих естественных прав как-либо).

Еще можно понять, для чего в наши дни могут быть хоть как-то нужны государственные суды, полиция, армия, какие-то службы вроде почты, пожарные части и тому подобное. Про них можно сказать, что они что-то иногда делают созидательное, мы не говорим про эффективность этих действий в данном случае. Но что реально хоть относительно полезного могут делать для общества президент со своим аппаратом, парламенты, губернаторы, мэры, депутаты? Это все какая-то ритуальная бюрократическая деятельность за счет налогоплательщиков без каких-либо гарантий получить хоть что-то созидательное. Кто-то из чиновников Роспотребнадзора даже додумался до того, чтобы попытаться ввести «налог на большую задницу», когда предпринимателя штрафуют, если среди сотрудников его фирмы обнаружат тех, чей объем талии превышает какие-то нормативы. Юморист Михаил Жванецкий пошутил на данную тему «необходимости» чиновничества, что «половина пассажиров следит за тем, чтобы другая половина брала билеты в трамвае, и первая половина уже не берет: она на службе. Таким образом, едет по билетам только половина народа».

13. Логичные следствия либертарианской этики

Мюррей Ротбард выделил ключевой аспект либертарианской этики – естественные права людей: право распоряжаться своим телом, заключать контракты на существующее имущество. При этом первый собственник является владельцем какой-либо «ничейной» вещи. Все просто, но из этого всего «дела» следуют определенные «тонкие» следствия, которые обычно не рассматриваются.

Здесь, конечно же, все не так явно, но почему, например, практически во всех обществах осуждается жестокое обращение с животными? Потому, что подразумевается, что у них может быть какое-то совсем примитивное, но все-таки сознание. Из этого следует, что жестокое обращение причиняет им страдание. То есть, жестокое обращение с животными в каком-то смысле пусть и отдаленно, но может быть и несколько против естественных прав, если мы сможем доказать, что это самое примитивное сознание у них присутствует. Вопрос дискуссионный, но, тем не менее, здесь не все так однозначно, как кажется на первый взгляд.

Почему в целом, скорее всего, должно быть плохо агрессивно настаивать на каком-либо контракте, угрожать, ругаться и демонстрировать подобное негативное поведение? Потому, что это наносит ущерб принципу добровольности

принимаемых решений, важно демонстрировать уважение к праву распоряжаться своим имуществом, и тем более своей личностью. Собственник должен понимать, что ни у кого вокруг нет каких-либо претензий на этот счет и он может смело, без опасений принимать какие-то важные для себя решения или действия, быть в этом мобильным и активным. Так он сможет достичь большей эффективности в своей деятельности. Настроение – это тоже некоторый ресурс человека, который он может с выгодой для себя использовать, хоть и сложно это однозначно относить к собственности. В любом случае душевное здоровье – тоже аспект физического здоровья, потому негативность в отношениях – это, конечно же, не агрессия с позиции естественных прав, но косвенно это все наносит какой-то ущерб праву распоряжаться своим телом как ресурсом. Во всяком случае, когда дети воспитываются в психологически агрессивной среде, то это чаще всего агрессией признается, так как формирует психически нездорового человека в будущем (или, во всяком случае, человека с психическими отклонениями). У некоторых людей еще бывает слабая психика, от обилия негатива может даже наступить какой-то случиться.

Важно не только соблюдать права собственности другого, но и демонстрировать свое уважение к ним. Например, не вести себя громко возле чужого дома, не трогать чужую машину. Как бы, помимо прав собственности, формируется еще и культура отношения к чужому имуществу, личности. Соб-

ственность – не есть что-то, закрытое наглухо от всего мира вокруг. Даже собственное тело может испытывать некоторые проблемы, если ему громко кричать в уши повсеместно.

Не будет приличным в либертарианском обществе, по всей видимости, и напрасная трата времени другого человека: пригласить его на встречу с какой-то целью и на нее не придти, сильно опоздать, и тому подобное. Очевидна напрасность траты времени, как некоторого ресурса другого человека, хотя, конечно же, здесь сложно предъявить претензии с позиции прав частной собственности, только репутационные потери может как-то понести иногда такой непунктуальный человек. Вместе с тем очевиден и некоторый косвенный ущерб собственности человека, особенно, если час его работы стоит больших денег.

Слишком много в окружающем нас мире чего происходит, что как-то так косвенно мешает нам грамотно распоряжаться имеющимися ресурсами для достижения каких-то целей. Вообще, современный мир – это мир некоторых негласных запретов. У нас, вроде как, есть какое-то имущество, но мы никак не можем его использовать с максимальной эффективностью для себя, и при этом часто мешаем другим людям распоряжаться своим, причем, смешно, что без всякой осязаемой выгоды для себя. Мы можем использовать собственность только в рамках неких общих трендов, а не как-то сугубо индивидуально. Если же начинаем использовать индивидуально, то уже надо спрашивать государ-

ство, большинство, каких-то больших начальников на предмет: а это нам можно или нельзя? В противном случае можно иметь большие проблемы, суды, штрафы и порицание. Так китайский фудблогер Кан попал в чёрный список ресторана со шведским столом за то, что, по мнению владельца заведения, он слишком много ест. Понятно, что подобное обвинение могло появиться только в голове человека, выросшего на воспитании в коммунистических традициях. Едок-стример рассказал телеканалу Hunan TV, что ему запретили посещать барбекю-бистро Handadi в городе Чанша после нескольких гаргантюанских сеансов обжорства. По словам обладателя волчьего аппетита, он съел полтора килограмма свиных ножек за первое посещение кафе и около 4 килограмм креветок за второе. Кан заявил, что ресторан зачем-то дискриминирует людей, способных много съесть. Его владелец при этом пожаловался тому же репортёру, что именно из-за таких едоков он, якобы, теряет доход. «Даже когда он пьёт соевое молоко, он может выпить 20 или 30 бутылок», – жалуется основатель Handadi, запретивший всем стримерам доступ в свое заведение. Сюжет о Кане собрал более 250 млн просмотров в китайской соцсети Weibo. Блогеры удивлены тем, что ресторан позиционирует себя как шведский стол и при этом недоволен людьми с хорошим аппетитом, но некоторые комментаторы сочувствуют владельцу кафе. Так в 2020-м году компартия Китая осудила фудстримеров за подобные видео – излишние, по мнению властей, в то время,

когда страна испытывает проблемы с поставками продовольствия в некоторые труднодоступные районы. Понятно, что владелец ресторана не обязан обслуживать клиента, который много кушает, но странно то, что он не умеет ввести нужные ему тарифы за еду. Например, что при поедании свыше килограмма креветок – необходимо дополнительно доплачивать за пищу. Ведь в мире нет никакого дефицита предложения, это – просто вопрос соответствующей оплаты. Больше спрос – выше цена кушанья. Причем, именно такие фуд-блогеры приносят ему больше доходов, они делают бесплатную рекламу пищи, а владелец почему-то недоволен. Глупее всех же здесь выглядит компартия, которая осуждает то, что приносит деньги ресторанам, и увеличивает поставки еды в регионы. Чем ее больше, тем дешевле она достанется и всем остальным. Сама же ситуация нам демонстрирует, как на пустом месте обычного любителя покушать представили мерзавцем и негодяем просто на основе странных коммунистических традиций данного региона.

Вообще, 90-е годы для стран СНГ были очень полезны с точки зрения именно их индивидуалистичности, а оно для либертарианства очень важно, как бы каждый делал, что хотел со своим имуществом, не особо чего-то опасаясь, разве что криминала. Я помню, что абсолютно любой человек мог выйти на улицу, поставить там какой-то столик и что-то продавать, хотя бы даже морс в жару. Даже проходящая мимо полиция не особо пугала, могли в худшем случае попро-

сидеть куда-то передвинуться. Сейчас же арестовывают женщину, которая из своей машины зеленью торгует за незаконное предпринимательство. К тому же это все многократно увеличивает стоимость товаров для населения. Так выяснилось, что контрабандные сигареты из Беларуси стоят в два раза дешевле тех, которые продаются в магазинах. Без всей этой ерунды: маркировки, акцизов и тому подобного – это удовольствие обходится настолько дешевле. Пускай теперь этатисты-курильщики покупают сигареты в два раз дороже, раз им так дорого родное государство и его поборы, и даже не смеют прикасаться к дешевеньким либертарианским аналогам!

В целом же, дело не только в бизнесе, но и просто как бы любое живое проявление индивидуальности загоняется куда-то в подполье из-за опасений, что «Большой брат» «посмотрит на тебя косо». Если не в виде придинок властей, то в виде формируемых им нравами в обществе. Потому, что если нельзя выйти со своим столиком, сесть и что-то продавать, то и культура такая формируется, что это – уже некий девиант, преступление, о котором можно «настучать». Понятно, что и в других каких-то проявлениях люди лишней раз боятся как-то «высунуться», показать свою индивидуальность. Я помню, например, что какой-то человек в 90-е любил закаляться в мороз, выходил во двор и обливался холодной водой. Сейчас что-то подобное сложно представить просто потому, что после первой же попытки, допустим, так

закаляться – сбежится куча народа и все начнут как-то так на него «глазеть», обсуждать негативно, и все в таком роде. Даже на недавнем «Мундиале» помню любопытный эпизод, когда иностранцы какие-то просто сидели на травке на улице, вдали немного от всех, на пустыре, ничего плохого не делали, ели что-то, может, были не очень трезвы, но ничего предосудительного не было с их стороны. Тут же приехала полиция, начала на них оформлять что-то, начались какие-то обсуждения в Интернете, что они, дескать, какое «быдло» там. Но люди просто распоряжались своим имуществом, не нарушая каких-то прав собственности кого-либо, не проявляя какой-либо агрессии, не шумели, это не было ночное время суток, просто сидели тихо на травке, как они это делали бы у себя в стране.

Как бы сейчас любое поведение, индивидуальное действие по управлению собственностью вне рамок мейнстрима – постепенно все больше становится действием или «вне закона», или, во всяком случае, вне моральных норм. Второе даже более типично, так как избавляет от необходимости останавливать какое-то действие по управлению своей личностью или собственностью официально. Ведь каждый официальный подобный запрет – это прецедент, на который обязательно обратит внимание мировая общественность. А так просто намекнули человеку, что он – неадекватен, и он уже, может, испугался, отступил, и никакого шума, что кому-то мешают распоряжаться собственностью.

За «нулевые» вообще общество стало каким-то мейнстримным, все просто соответствует основной тенденции, которую поддерживают и клеймят то, что ей противоречит. Ничего индивидуального как будто в людях не осталось. Даже мелочь какая-то «вне линии партии» – уже повод для какой-то обструкции, так Поклонская проголосовала по-своему по пенсионной реформе всего один раз, и вся партия сразу признала ее «не своей», сказала, что она «пиарится». Показательный и забавный пример, как бы вешают ярлыки всему, чем нельзя управлять, как стадом баранов. А дальше людям, видимо, неприятно, когда, например, большинство их как-то обзывает, поэтому как бы индивидуализма не остается. Вроде есть собственность, которой можно управлять и действия, которые можно совершать для достижения каких-то целей, но делать то, что человек считает нужным – он не может, просто потому, что автоматом выйдет из этого мейнстримного русла, и сразу огромная толпа людей начнет его забрасывать всяческим негативом, «клеить ярлыки» ему там. Любопытно, что психолог Карл Густав Юнг вообще считает, что «чем больше жизнь человека пронизана коллективными нормами, тем более аморален индивидуум». Данные примеры все это только подтверждают.

В результате всего этого бреда как бы общество перестало понимать, что есть однозначно плохо. Плохо – это просто любое действие против мейнстримного конкретно сейчас, через год все может поменяться на полностью проти-

воположное. Вспомните, сколько раз Турция была врагом и другом, многократно это менялось все. Даже уже учителя вызывают в школу родителей ученика часто по совершенно бредовым поводам, типа там кто-то голову чесал на уроках, а не что там плохо учиться, например, или дерется. Я знаю еще пример, как вызвали мать ученика к директору просто за то, что она совершенно справедливо слегка «осадила» какого-то классного «альфа́ча», который наводил там свои хулиганские порядки какие-то. Директор ей сказала, что почему, дескать, у всех остальных в классе нет проблем, вместо того, чтобы как-то поддержать создание психологически здоровой атмосферы в классе, которую она пыталась создать. Нет, вместо этого как бы опять было продемонстрировано решение, когда прав не собственник (в данном случае – теля), а адепт мейнстримного поведения. Словно бы обилие друзей этого «альфа́ча» и их родителей в классе резко меняло отношение директора к ситуации, что ее полностью устраивало, что «лупцевали» какого-то школьника, за которого и заступался сын этой женщины. Как только же хулигану просто сделали замечание, так тут же аж директор выразил свое недовольство, до такой степени все общество заточено на любой мейнстрим, а не на защиту прав собственности и личности людей.

Как бы выходит, что недостаточно просто дать людям права собственности, нужна еще какая-то культура уважения к ним, именно поэтому так много людей, часто официально за-

являющих о своей патриотичности – все равно едут жить за границу, или, во всяком случае, отправляют туда своих детей. Потому, что там управлять можно этой самой собственностью и даже своей личностью в гораздо большем объеме, не рискуя привлечь к себе какой-то всеобщий негатив, или преследование государства.

То есть, важны не только права частной собственности, но и все эти связанные с ними «тонкие» моменты, способствующие комфортности распоряжения ею, и обеспечивающие их более полноценную защиту, а также индивидуальности поведения. Например, что если вы потеряете кошелек, то вам его вернут, а не присвоят его содержимое. В США одна школьница заметила, что водитель автобуса задел легковой автомобиль, и скрылся с места происшествия. Тут же повесила записку об этом на лобовом стекле пострадавшей машины с деталями аварии, что помогло найти супостата. Ценность владения ресурсом многократно возрастает, когда он дополнительно защищен культурой общества. Автомобиль выгодней иметь там, где каждое подобное происшествие – событие, требующее вмешательства для помощи пострадавшей стороне, а не где каждый день угоняют и жгут «тачки» прямо во дворе, и никто из свидетелей не хочет даже помочь засвидетельствовать происшествие.

Важно даже то, «держат слово» ли люди или нет, ведь так можно потерять деньги или еще какие-то проблемы получить «на ровном месте». Сказанного слова во многих сооб-

щества достаточно для заключения сделки, оно – и есть суть сама сделка, договор не обязательно должен быть в письменной форме всегда. При высокой степени доверия, говорящей о хорошей рыночной атмосфере – репутационные издержки настолько упрощают заключение контрактов, и дают больше возможностей по управлению собственностью. Даже прошедшие 350 лет со дня какого-то события – еще не повод не исполнять договор, именно так и должны мыслить либертарианцы. Вещь должна быть отправлена законному владельцу, срок давности – значения не имеет. В 2024-м году в Версальский дворец в Париже прибудет груз – по Сене доставят блок красного мрамора, который был заказан именно столько времени тому назад. Потерянный в 17-м веке трехтонный блок обнаружили рабочие в департаменте Од на юге страны. Французская ассоциация мраморщиков опознала в нем утраченный груз и взялась доставить его. Для доставки товара будут доступны только используемые в то время технологии, чтобы превратить все это в исторический, и познавательный экскурс.

Есть еще любопытный пример того, как ревностно американские капитаны краболовных кораблей требуют уважения к находящемуся на борту их судна имуществу, именно так формируется нужная культура обращения с чужой собственностью. На Канале «Дискавери» показали следующий эпизод документального сериала «Смертельный улов». На борту судна гостил капитан другого корабля, и кто-то из матро-

сов предложил тому поупражняться в армрестлинге. Гость проиграл поединок на руках и со злости оторвал стол от пола, скинув на победителя все, что на нем стояло. На следующий день капитан, принимавший гостя – нанес ответный визит с одним из матросов на борт уже его корабля. Далее матрос достает откуда-то кувалду и наносит один прицельный, но сильный удар по середине новехонького обеденного стола на их судне. В целом оба стола остались работоспособными, но получили некоторые повреждения. Возможно капитан пострадавшего корабля сам не понял, что воспроизвел либертарианский принцип «око за око». Именно этим правилом человеку свойственно от природы пользоваться при нарушении прав собственности, и это понятно любому нормальному человеку, не обязательно для этого даже какие-то умные книжки читать по экономике или праву.

14. Титулы собственности, право частной собственности

Никто не может передать другому больше прав на вещь, чем имеет сам (*nemo plus juris ad alienum transferre potest, quam ipso habet*) – гласит принцип, берущий начало в римском частном праве. Из него вытекает такое понятие, как титулы собственности. Просто не вся собственность продается или передается напрямую, часть ее переходит по какому-то договору. Например, договор на наследование, где владелец может передать свою собственность с какими-то условиями. Например, как Альфред Нобель учредил фонд, который каждый год вручает премии, а не просто собственник получает его «бабло», и делает с ним, что хочет, посылая волю усопшего «куда подальше». То есть, титул собственности – это документ, подразумевающий права на какую-то собственность. Праксеологическое определение собственности Мизеса звучит так: «Собственность – означает полный контроль над услугами, которые можно извлечь из некоего блага. Это каталлактическое понятие собственности и прав собственности не следует путать с юридическим определением собственности и прав собственности, сформулированным в законодательстве различных стран».

Основаниями возникновения (приобретения) права собственности являются различные порождающие юриди-

ческие факты, то есть обстоятельства реальной жизни, в соответствии с законом влекущие возникновение права собственности на определенное имущество у конкретных лиц. Основания приобретения права собственности называются также титулами собственности. Титульное владение – это владение вещью, основанное на каком-либо праве (правовом основании, или титуле), вытекающем из соответствующего юридического факта, например право собственности, основанное на договоре купли-продажи вещи или на переходе ее в порядке наследования. В отличие от этого беститульное (фактическое) владение не опирается на какое-либо правовое основание, хотя при установленных законом условиях и оно может влечь определенные правовые последствия. Титулы собственности могут приобретаться различными способами, которые традиционно подразделяются на две группы: первоначальные, то есть не зависящие от прав предшествующего собственника на данную вещь (включая и случаи, когда такого собственника ранее вообще не имелось), и производные, при которых право собственности на вещь возникает по воле предшествующего собственника (чаще всего – по договору с ним).

При переходе собственности на основе договора – права регулируются через титулы. Получающий права собственности в результате договора человек – это титульный собственник. У него могут быть не все титулы собственности, а только часть. Например, по договору он может владеть титула-

ми собственности на редкую картину, но не иметь титулов на ее уничтожение. Воля художника могла быть выражена в специальном завещании или договоре, чтобы, допустим, раз в пять лет проводилась проверка наличия сохранности картины. При этом титульный собственник вполне может перепродать эту картину другому владельцу, а покупатель так же не будет иметь прав на ее уничтожение, так как у него не было соответствующего титула. Будет обязан давать возможность проверять наличие картины, что она не является уничтоженной. Вполне возможно, что у художника могли быть долги, картина могла быть под залогом, в результате чего титульный собственник вместе с имуществом может получить и обязанность выплатить, например, какие-то средства за право распоряжаться картиной. Понятно, что первый собственник обладает всеми правами на имущество, располагает всеми титулами, но дальше вполне вправе по договору оставить за собой какую-то небольшую часть их. Получающий его титульный собственник, чтобы снова заполучить полное право распоряжения – должен собрать все титулы собственности, если у него есть такое желание, что не всегда возможно.

Как бы титулы собственности дают намного больше возможностей для маневра владельцу, чем при прямом переходе прав собственности без договора. Они, фактически, дают ему возможность подходить к вопросу творчески, как это сделал очень интересно тот же Альфред Нобель. Каждый

год вручается его денежная премия по пяти категориям: за вклад в четырех науках и за лучшие достижения в борьбе за мир. По договору о наследовании можно передать кому-либо миллион долларов, но с запретом тратить больше 20 000 в месяц (без соответствующего титула тратить больше этой суммы). Также это возможность заключать сложные договоры, регулирующие условия перехода какой-то собственности. Например, что не просто продается дачный участок в садоводстве, а с запретом на превращение земли в аэродром (без соответствующего титула) в соответствии с существующими правилами между частниками садоводства, которые были установлены при его основании, так как они, например, не любят посторонние шумы. Очень интересные примеры с титулами собственности использовал в своих работах Мюррей Ротбард, например, я бы очень рекомендовал ознакомиться с его примером о мышеловках и возможными правами на них в тех, или иных случаях.

15. Частная собственность – первая

Именно с этого заявления стоило бы начинать какие-либо декларации политикам. Проблемы людей начинаются тогда, когда они забывают об этом принципе и ставят что-либо превыше. Она начинается с частной собственности на свое тело и заканчивается принципом первопринадлежности окружающих объектов, которые в дальнейшем могут обмениваться по различным частным соглашениям людей.

Когда кто-либо забывает, что частная собственность – первая, то все человечество начинает становиться на грань исчезновения. Ведь вместо понятных всем правил игры, где каждый управляет своим и не покушается на чужое – на смену приходит просто принцип того, как более изощренно украсть чужое. Это может быть право на чужое тело под предлогом повестки из военкомата, или право на чужую недвижимость из принципа «мы тут новые манифесты намутили». Самый простой же способ воровства – объявить на логи.

Проблема людей заключается в том, что слишком часто они зачем-то принцип частной собственности приносят в жертву каким-либо «богам». Под ними можно иметь ввиду все, что угодно, когда внезапно создается мнение, что существует некое исключение из правил, позволяющее нарушать частную собственность. Можно провозглашать любые цен-

ности определяющими для себя и своих близких (в случае их согласия с ними), но они не должны выходить за рамки частной собственности. К сожалению же значительно чаще мы видим, что как только какая-то ценность становится важной для людей и набирает сторонников, как тут же она становится «суперценностью», и подминает под себя права частной собственности других. Часто определяющим тут становится такой момент, как прецедент. Если в истории какого-то народа было много прецедентов, когда частную собственность приносили в жертву каким-либо «богам», то люди в принципе понимают, что такое может повториться. Например, если после 1917-го года ходили отряды большевиков и нападали на частных собственников помещичьих хозяйств, то и индивидуумы даже в наше время не чувствуют себя полностью уверенными, что их там дачи, или дома не будут снова национализированы. То есть, прецеденты предыдущих времен по нарушению принципов частной собственности накладывают на людей определенную ментальную неуверенность в части распоряжения ею. Более того, это касается не только имущества, но и даже правом распоряжаться собой. Как описывал Александр Дюма революционные будни во Франции, то там вполне было достаточно подозрительности, чтобы нападать на людей, и потом их казнить через ту же гильотину. Именно поэтому большинство рьяно старалось выдавать себя за ярых патриотов, но и их потом отправляли в жернова революции еще более фанатичные персоны.

В тех же США, во всяком случае, последние полтора века принцип частной собственности не нарушался столь откровенно. Там, конечно же, было тоже много всего плохого, налоги, инфляция, войны, отказ от золотого стандарта, частичное резервирование, «Великая депрессия», но все же ментально, путем прецедентов, было создано общее представление о том, что частная собственность – первая. На базе этого люди могут все же чувствовать себя уверенно, и какой-нибудь реднек с ружьем едва ли потерпит какое-либо самоуправство извне у себя на ранчо. Он просто его достанет и пустит в ход, если возникнут какие-либо проблемы, вот и все. В странах СНГ же что-либо подобное пока сложно себе представить. Вроде и есть частная собственность, но нет права на оружие, потому ее сложно оборонять. К тому же есть опасная тенденция чиновников издавать законы, которые всячески ставят под вопрос право распоряжаться ею: то – реновация, то – планы проложить дорогу по вашей недвижимости, то – объявляется мобилизация без всякой внешней агрессии, да еще и озвучиваются планы отбирать ее у тех, кто из-за нее уезжает в иммиграцию. То есть, в странах СНГ у людей основная проблема – как раз в недостатке богатого опыта прецедентов, когда столетиями никто особо глобально не посягал бы на частную собственность индивидумов. Рано или поздно, но лошади бьет под хвост какая-то вожжа, и она начинает брыкаться. В результате чего весь накопленный опыт, допустим, десятилетий честных рыночных

делок – летит к чертям собачьим в угоду новым тенденциям и трендам. Даже когда десятилетиями у людей все складывается хорошо, они почему-то ментально начинают думать, что с ними – что-то не так. Они начинают хотеть каких-то потрясений. Это хорошо видно особенно в России, когда начал появляться рынок и блага после возврата частной собственности в 90-х, пусть и не в лучшем виде, но все равно почему-то начали формироваться непонятные тенденции к агрессии на частную собственность. Стало принято всячески и везде выискивать недругов, поддерживать курс на «Back To USSR» вместо того, чтобы радоваться приходу всех этих, ранее неведомых «ништяков». Механизм того, как это все происходит – глубоко понятен с точки зрения психологии. Если в детстве у человека было много проблем, когда он был ребенком, то его психика говорит ему, что это – и есть норма. Если он родился в семье алкоголиков и ничего не видел, кроме пьяных разборок, то очень вероятно, что именно это он и будет воспроизводить в дальнейшем, если не сможет создать для себя богатый опыт положительных прецедентов. И вот, вроде как такой успешный из себя человек, даже если вырывается «из грязи в князи», то потом почему-то все равно спивается, и проматывает имущество, как-то нелепо гибнет в пьяной драке там. То же часто происходит и с людьми, которые, например, вышли из СССР. Они почему-то все время норовят воссоздать ситуацию агрессии на частную собственность, и именно это состояние объявляют для себя же-

ланным. Потому, что так было, когда они были молодыми, а поскольку таких людей – очень много, то все они внезапно начинают хотеть воскресить «Совок». И вот мы видим массовую поддержку всяческих войн, преследований по политическим мотивам, отъема недвижимости и фирм, национализации, и тому подобного.

Из данного цикла воспроизводства насилия выйти можно только одним способом – объявить, раз и навсегда, и закрепить конституционно один-единственный принцип, что частная собственность – первая, и всегда, и во все времена ссылаться на него, кто бы что ни сказал, и ни сделал вопреки этому. Еще важнее – создать столетний опыт прецедентов, когда частная собственность не нарушается хотя бы в самых грубых чертах. Вам не нравится, что частный собственник построил бизнес-центр на своих землях, который видно из центра города? – Это ваши проблемы, ведь частная собственность – первая. Вас возмущает, что бывшие сельхозугодья используются не для выращивания овощей? – Это ваша проблема, ведь частная собственность – первая. Вы хотели бы проложить новую скоростную трассу, но владелец дома шлет вас куда подальше? – Это ваша проблема, ведь частная собственность – первая. Вас злит внешний вид молодежи, которая ходит, приспустив штаны? – Это ваша проблема, ведь частная собственность – первая. Вам не нравится, что фермер купил участок и разводит у себя скот? – Это ваша проблема, ведь частная собственность – первая. Чиновник

издал указ о мобилизации на военную службу, прислал военкома, который был ранен из самообороны? – Это их проблемы, ведь частная собственность – первая. Вор пытался угнать автомобиль и был застрелен при попытке скрыться от владельца? – Это его проблемы, ведь частная собственность – первая. Вас возмущает, что родители не хотят отдавать своих отпрысков в школу? – Это ваши проблемы, ведь частная собственность – первая. Вам не нравится, что блогер получает больше прибыли, чем шахтер? – Это ваши проблемы, ведь частная собственность – первая.

Все, что могут сделать люди – это повторять этот принцип до бесконечности, тогда цикл воспроизводства насилия будет уничтожен и вытеснен принципом воспроизводства частной собственности. При этом важно понимать, что это отнюдь не означает того, что люди должны отказываться от своих ценностей. Нет, это значит только то, что они не должны ставить их выше принципа частной собственности. Не должно быть «богов», которым можно было бы принести его в жертву, вот и все. Во имя просвещения ли, защиты культурных ценностей, государства, национальной самобытности, полов, возрастов, рас, экологии, религии, воспитания, идеологии или каких-либо других благих целей это ни заявлялось, но это должно отвергаться в ту же минуту, как подобные устремления вырываются в окружающий мир от кого-либо.

16. Легитимные полномочия и права частной собственности

Проблема современной цивилизации – это проблема нелегитимных полномочий. Настоящие полномочия на что-либо принадлежат собственникам по праву первопринадлежности и тем, кому они их передали в соответствии с добровольными договорами. Нет добровольного договора – нет и полномочий на что-либо, в этом суть. Первопринадлежность создает нормальные отношения между людьми, этику взаимоотношений. Она образует традиции, институты как систематизированные формы отношений. В противном случае же возникает ситуация, когда людей «женят без собственного согласия» на что-либо. Понятно, что говорить о какой-либо этичности в такой ситуации просто смешно, но, к сожалению – это реалии наших дней. Нас каждодневно пытаются втянуть в какой-либо «блудняк», на который мы не подписывались. При этом система тратит колоссальное количество отобранных у населения налоговых денег на то, чтобы обрушить на их же головы какую-то просто невероятную пропаганду выгодной ей системы ценностей. Конечной целью этого является просто то, чтобы люди в процессе своей жизнедеятельности были приучены подносить ложку с едой не к своему рту, или там своего отпрыска, а того, кто якобы лучше распорядится этим ресурсом вместо них.

Вот и вся хитрость. Стоит же случиться какой-то большой глобальной беде, так и становится понятно, что то же государство все равно для решения проблем не готово взять на себя все издержки, ему мало наших денег. Если случилась война – оно нас же стремится призвать в армию за наши же деньги, несмотря на то, что берет на нее огромные налоги. Простите, но какой тогда смысл в вашей услуге, если вы все равно решаете проблему налогоплательщика руками самого налогоплательщика? Он и сам может купить себе танк и организовать ополчение совместно с другими собственниками соседних территорий. Это примерно как если бы вы вызывали электрика, платили ему деньги за проводку кабеля, а он бы заставлял вас собственноручно лезть в электрощиток и рисковать жизнью.

Государство постоянно придумывает особенные ситуации, которые якобы может решить только оно, чтобы забрать у людей еще больше полномочий – их естественных прав. Больше полномочий – больше возможностей заполучить чужие ресурсы. Вот только суть-то в том, что государство – это никакой не супермен, и если даже оно когда-то где-то решило какую-то проблему, то и любой другой специалист с этим справился бы ничуть не хуже. Только после решения проблемы ему можно уже не платить денег, так как нет потребности в услуге, а от государственного сервиса уже не отказаться. Он и дальше будет питаться налогами.

Другая проблема – именно государство определяет нуж-

ды людей, а не они сами. Так выясняется, что Олимпиада – это прямо самая насущная потребность человека, чтобы в телевизоре какая-то гимнастка получила медальку, кстати, не такую уж и золотую. Реального золота в ней – чуть больше 1%. Их призы – фуффло, как и все их соревнования. Разве что за налоговый счет государство выделит победителям денег из бюджета. Люди выступают спонсорами всяческой глобальной чепухи вместо того, чтобы одеть, обуть, накормить себя, членов своих семей, создать хорошие условия, купить недвижимость там, транспорт. Вместо этого радуются фальшивым медалькам. Да даже спортивные состязания бизнес организует в сто раз лучше – он знает, на какие мероприятия люди готовы платить деньги за трансляции и билеты, а на какие – нет. Вот только не нужно ему мешать, если лучшие клубы мира по футболу хотят организовать Суперлигу, то именно такая форма им удобней для создания мощной отрасли жизнедеятельности. Раз не даете им развиваться, заставляете вернуться в удобный чиновникам формат, то и никаких денег новые перспективные футболисты не получают, не будут интересны суперклубам. Сейчас же это – прекрасный рынок, позволяющий лучшим спортсменам зарабатывать миллионы евро просто на качестве своих профессиональных навыков и приносящий огромные прибыли множеству людей, вовлеченных в процесс: от владельцев клуба, до обычных специалистов по газонам, ухаживающим за футбольными полями. Отличный пример того, что именно рынок решает, кто бу-

дет получать больше денег и за что. Лучшие клубы же с каждым годом получают возможности платить все большие гонорары лучшим профессионалам своего дела и показывают пример более слабым, как именно следует вести футбольную бизнес-деятельность, чтобы она была прибыльной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.